

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

ЯНГАЛ-МАА

84(2 Рос-Рус)6
А 57

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

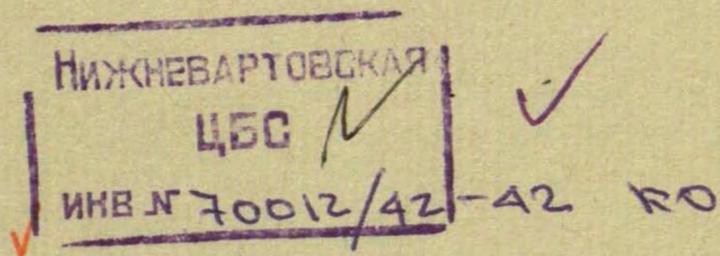
84 (2 Рос-Рус) 6
А 67

Маргарита АНИСИМКОВА

ЯНГАЛ-МОО

(Тундра)

**ВОЛЬНАЯ ОБРАБОТКА В ПРОЗЕ
МАНСИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЭПОСА**

Москва
«Столица»
Тюмень
Творческое объединение «Лад»
1990

Ш/к 9921

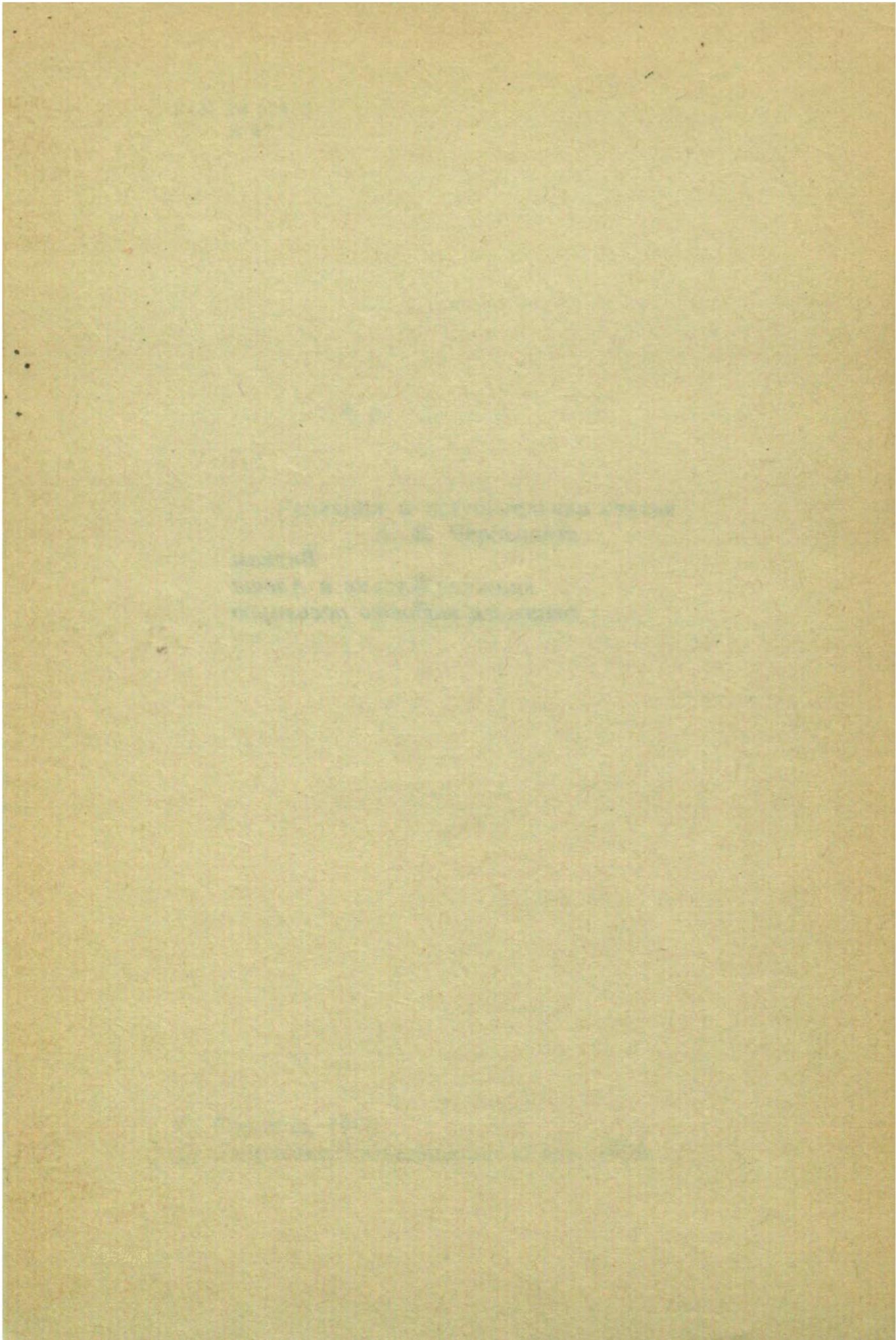
ББК 84 МА 7
А 67

Редакция и вступительная статья
А. В. Чернышова

Художник
Р. Н. Сульженко

© Столица, 1990
© Творческое объединение «Лад», 1990

*Внукам
Кузьме и Алеше
с любовью посвящаю*

НА ПУТИ К МАНСИЙСКОМУ ОЛИМПУ

Народная память хранит устное богатство своих предков бережно, ничего не сокращая. Ибо каждое потерянное слово служит снижению старинных описаний, забвению своеобразных особенностей народной мудрости. Двенадцать лет (1915—1927 гг.) потратил энтузиаст Михаил Александрович Плотников на сбор и обработку разрозненных былин, сказаний, преданий и шаманских заклинаний вогулов (устаревшее название народа манси), чтобы воспеть бесконечные просторы тундры, дымные юрты и землянки, берестяные чумы и безымянные речушки. И, конечно же, народ, которому первым было суждено принять на себя удар завоевателей Сибири. Ранее жизнерадостный, самоотверженный народ манси, знавший рудное и кузнечное дело, охотничий и рыболовный промыслы, при столкновении в XVI — XVII веках с русскими, пережил крутую ломку во всех областях хозяйственно-бытового уклада, да и мирозерцания. Неповторимость их бытия, связанная с суровой и щедрой природой, постоянными войнами с остяками (ханты) и самоедами (ненцы), поэтически самобытными паулами (селения), обрядами и обычаями, была обречена на исчезновение.

В 1930 году М. А. Плотников передал издательству «Academia» рукопись стихотворной обработки вогульских сказаний¹, представлявших элементарный с этнографической точки зрения анализ свидетельств устного народного творчества, и довольно солидный с точки зрения исторической и художественной. Это было первое знакомство широкой читательской аудитории (тираж книги составил 10300 экземпляров) с творением одного из малых народов Обь-Иртышья, развеявшим утверждение об отсутствии у него своего фольклорного наследия.

«Дорусский» эпос манси претерпел значительные изменения. На смену князьям-богатырям пришли новые — отыры (богатыри из народа), главной целью жизни которых становится подготовка к совершению подвигов во имя

¹ Плотников М. А. Янгал-маа.— М., Л.; Academia, 1933.—610, [4] с

избавления родины от чужеземцев-поработителей. Герои такого типа знакомы нам по эпосу финнов «Калевалы», индейцев Северной Америки — «Песни о Гайавате» и некоторых сибирских народов — ненецкой «Песне об Итье». Отыр мечтает о подвигах и совершает их не ради власти и богатства, им руководит любовь к своему родному народу, любимому краю. Да и язык сказаний нового эпоса манси теперь более похож на простую разговорную речь, былины не имеют строго законченной формы. Именно такой и была былина о мадуре Вазе — герое-победителе. Она включала ряд художественных типов (видов) народного творчества — от саги и поэмы до былички и сказки. При этом имя Вазы широко варьируется с другими (Вача, Тагаротер, Виш-отер и т. п.), и лишь идея возрождения угнетенных манси является стержнем этого эпоса. В последнем мы находим и военные песни, восходящие к дотатарскому периоду, и бытоописания. Мы видим характерные особенности рыбацкого и охотничьего быта, древние формы производства, различные этапы развития и разложения материнского рода, тесно связанного с тотемизмом²

Мансийский фольклор многообразен, его можно разделить на типы: мифологическая и космогоническая поэзия; героический эпос (тэрнингэры); драматургия и песенный цикл медвежьего праздника (уй эры, тулилап эры, кас-тэ-нэры); сказки (мойт); рассказы и предания (потыр, пес-потыр); лирическая поэзия; заговоры промысловые и бытовые; загадки (амыщ); шаманские песни и др.

Основу древних пластов мансийского фольклора составляет мифология. Существует немало сказаний о проис-

² Тотемизм — древнейшая форма религии, возникшая в ранний период родового строя, вера в сверхъестественную связь и кровную близость родовой группы с каким-либо видом животных, растений, предметом или явлением природы — так называемым тотемом.

См. также: Харузина В. Этнография. Вып. 1: Введение. Верования малокультурных народов. [М.], 1909.— С. 209—248;
Новикова Н. И. Новые материалы о духах — «хозяевах» манси // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.— С. 145—149.

хождении земли, озер, рек, небесных светил, всего живого, людей. Мифологические предания населили окружающую людей природу многочисленными духами, обладающими сверхъестественной силой³. По поверьям манси, землю первоначально заселяли богатыри-отыры. Это были борцы за идеалы прекрасного и справедливого, защитники униженных, решительно вступавших в смертельные схватки со злыми силами природы. По одному из мифов, Верховный Бог Нуми — Торум, разгневанный на перволюдей за их дерзость, послал пожар и затем потоп (йелпингвит, «священная вода»). По другой версии, он ниспослал на землю и людей огненную жижу. Спаслись те, кто подготовил плоты из семи слоев древесины: шесть слоев сгорают в пламени и лишь седьмой остается нетронутым. Именно после этой божественной кары оставшиеся в живых отыры начали новую жизнь, в постоянных трудах и заботах о пропитании своих родов. Именно к этим и более поздним временам относятся героические подвиги славного предка манси Вазы.

Повествование о Вазе начинается тремя песнями (рассказами) шамана Куксы о былом родного народа, его чтимых святынях и том, как с о временем пришествия чужеземцев стала утихать вера соплеменников в своих божественных покровителей, и возросло пристрастие к «огненной воде» (спиртному), что еще более ожесточило сердце добрых божеств к людям. На их Олимпе началась междоусобица. В прошлом покровительствующие духи стали враждебными. Даже сам верховный Торум (он же — Нум, Торым, Торм) перестал принимать участие в людских делах, передав полномочия своим подчиненным. Но коль и на божественном Олимпе шла та же борьба, что и на Земле, среди людей, неразбериха в их взаимоотношениях лишь усугубляла фатальность исхода судьбы манси. Одним из таких отрицательных представителей Олимпа и был Мейк (Менкв) — демон, злой дух. Он мстил людям за предательство шамана, когда-то служившего ему, подкуп-

³Новикова Н. И. Природа в религиозных представлениях манси// Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. Сыктывкар, 1979.— Ч. II.— С. 124; Она же. Религиозные представления манси о мире// Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.— С. 95—100

ленного чужеземцами, и похитившего у него глаза, имевшие чудодейственное свойство принимать в разное время суток различную окраску. За укрывательство Торумом врага Мейка, последний вступает с ним и его ближайшим окружением в открытую войну. Он указывает чужеземцам тайные тропы манси, благодаря чему они одерживают победу. Именно во вражде насельников Олимпа видели манси свои неудачи в ратном деле. Вот почему борьба Вазы за счастье народа — неотъемлемая часть борьбы со злыми божествами. Его первой задачей на трудном пути к чертогам Торума было похищение у Мейка средств его дьявольской силы — золоторогих оленей и тяжелой нарты — молнии и грома.

Во второй песне Куксы повествуется о появлении медведя на земле. Медведь (ойка-старец, майбор, лесной старик, дедушка, шубный старец) — мудрый провидец, посланный богом охранять нерушимость клятвы ему людей и справедливость на земле. В одних случаях — верный защитник и покровитель человека, в другом — судья (исполнитель) кары Торума, ниспосланной людям за их грехи. По поверьям он был прародителем людского рода⁴ и почитался многими сибирскими народами, как священное животное. Убийство его — преступление, но тем не менее, ежегодно убитым он становился главным виновником самого яркого и неповторимого («медвежий праздник») торжества⁵. С целью взаимного очищения от совершенного преступления, охотники устраивали целое театральное действие, ритуал которого очень многообразен и рассчитан на 5—7 дней.

Говоря о жизни Медведя среди людей, Кукса касается судьбы юной Ючо — девушки, убившей своего насильника — шамана, и представшей перед судом майбора. По древнему праву манси, женщина, убившая мужчину независимо от обстоятельств, считается виновной. Но во время суда над невинной Ючо является Мейк и доказывает ее

⁴ Гондатти Н. Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1888. — Кн. VIII. — С. 74—87 (2-я паг.)

⁵ Каннисто А. О драматическом искусстве вогул // Материалы по изучению Пермского края. Пермь. — 1911. — Вып. IV. — С. 24—43 (2-я паг.)

невиновность. Он плюет Медведю в морду и этим лишает его рассудка, необходимого для того, чтобы разбирать людские дела. Объявив прекрасную Ючо своей женой, садится в нарту и увозит ее в свои владения. «Шубный старец», обескураженный происшедшим, спускается с гор (место его обитания) и, захватив с собой тамгу (особый знак) Торума, намеревается отправиться в царство Мирсусне-хума. Он женится на Миссне (дева-дух) и забывает обратный путь в царство Торума, приняв теперешний облик⁶.

Если первая песня шамана Куксы была посвящена злему Мейку, вторая — Медведю, то третья — таинственной птице Таукси, принявшей образ золотого лебедя. Вообще культ животных в мансийском фольклоре играет огромную роль. Небо наполнено зверями и птицами: лосями, оленями, медведями, гагарами, лебедями, филинами. Как на земле, так и на небе они превращаются в людей, а последние в животных и птиц. Те и другие вступают в браки: их тела становятся вместилищами душ умерших. И растения и животные выступают в качестве прародителей отдельных родов. Так лесной дух Менкв — создан из лиственницы, а росомаха может сбрасывать шкуру и стать человеком. Согласно преданию манси Таболдинских юрт прачеловек (Сосьвинский старик) родился от лягушки, найденной в кишках налима и продолжает жить в этом образе.

Пусни Куксы — прелюдия к повествованию о Вазе, своего рода пояснительный текст к тем событиям и обстановке, которые ждали героя в будущем. Это было знакомство с персонажами, которые появились на пути мадура, решившего достичь чертога всемогущего Торума и про-

⁶ В этом эпизоде предпринята попытка объяснения истоков этноса манси. В переводе это слово означает: «мань» — малый, «си» — род, человек. В свою очередь эта этническая группа делится на две ветви (поколения, рода): Мось-си (Мось-хум) и Пор-си (Пор-хум). По преданию род Пор-си произошел от сожительства Медведя с Миссне.

См. также: Соколова З. П. Социальная организация хангов и манси в XVIII—XIX вв.: Проблема фратрии и рода. — М.: Наука, 1983. — 325 с.: Она же. К происхождению обских угров и их братьев (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начало XX вв. Новоисбирск, 1987. — С. 118—133.

силь у него защиты против ненавистных поработителей его маленького, ограбленного и уничтоженного народа.

Юноша — «прекрасный музыкант забытых песен», как говорит сам о себе Ваза, задумался над судьбой своего народа и решился на ратный подвиг во имя счастья и процветания его. Он преодолевает всевозможные трудности и испытания, холод и голод, противостоит хитрым и коварным врагам, вступает в неравные с ними схватки. Конечно, он не одинок в своем стремлении творить добро. Не только «древний Старик», лайка Снежинка, Сорока-камень, богатырь Яный Келб из Царства Мертвых, но и вечно юная Ючо, полюбившая навеки юношу, оказывают ему помощь и содействие. Благодаря им он побеждает Мейка и Медведя, великана Пенегезе и молодую колдунью Логарь, зверя Иура (кит) и чудище Мухора (мамонт). Он похищает оленей и нарту Мейка, тамгу (знак свободного прохода в Царство бога Нума) Торума и перо Огненной птицы — Таукси. Достигнув чертогов Торума и обратившись к нему, Ваза узнает, что всемогущий властелин Вселенной не желает говорить с ним, простым смертным. Но мадур гордо отвечает ему, что тоже достиг божественного достоинства, победив столь грозных и бессмертных его сородичей, и не желает посредников в их диалоге. Развивая идею двух начал — добра и зла, он поведал Торуму о судьбе своего и других сибирских народов. О том, как на их землю пришли чужеземцы и с помощью железа и хитростей покорили их, обложили непомерными податями, выжгли леса для пашен и возмутили воды рек дымными машинами (пароходами). Среди несчастий, выпавших на долю народов Сибири, Ваза рассказал о появлении страшной болезни (сифилиса) и губительной силе «огненной воды» (вина), пришедшим к ним с появлением чужеземцев.

Он заклинал Торума помочь его многострадальным сородичам. Выслушав мадура, Торум обещал манси великую награду за страдания и лишения на земле в Царстве Мертвых. Однако Ваза отвергнул эту награду. Тогда Торум поставил ему условие и обещал за исполнение его ниспослать на чужеземных поработителей порчу и гибель. Ваза должен был одержать победу над зверем Иуром, грозным Мухором и непокорным Мейком. Отыр сдержал свое слово и низвергнул противников. Но с кон-

чиной Мейка погибла и его прекрасная Ючо, околдованная властителем злых духов. Ваза обратился к Торуму с просьбой воскресить его любимую, но получил отказ. Тогда он решил разорвать отношения со всеми обитателями Олимпа за их бездушные и хладнокровие к людским просьбам. Но в этот момент перед ним вновь появился «древний Старик» и посоветовал отправиться на поиски «живой воды» и «живого прута», чтобы с их помощью оживить любимую Ючо. Юноша отправился в путь, но как утверждает народная молва, его больше никто не встречал.

Неутомимый исследователь фольклора Михаил Плотников понимал, как важно сохранить для потомков прекрасные и неповторимые образы устного народного творчества манси, а вместе с ним и предания, рожденные в эпоху покорения русскими Сибири. В долгой и неравной борьбе с завоевателями иссякли силы маленького народа¹. Создатель поэтической поэмы «Янгал-Маа» с благодарностью вспоминал своего учителя Кутони, чум которого стоял в верховьях Горностаевой реки. В 1924 году он писал, что поэма его «не является точным переводом вогульской саги о богатыре-освободителе вогульского народа, она написана совершенно иным размером, не свойственна ни вогульскому, ни остяцкому языку... Мы главным образом старались сохранить дух сказаний, возможную точность передачи оригинального текста и восстановить сказание о богатыре-освободителе в том виде, в котором оно могло бы существовать как законченное произведение вогульского национально-освободительного эпоса².

Ряд специалистов-лингвистов и этнографов находили в этой работе, по существу первой на русском языке по мансийскому фольклору, какой была «Янгал-Маа», что «автор насытил свою поэму оборотами и образами, не свойственными мансийскому фольклору, очевидно недостаточно правильно определяя стадию общественного развития и мировоззрения манси»³. Такой же точки зрения придерживался и С. В. Шервинский, осуществлявший редакцию его поэмы. Поэтому издательство «Academia», долгое время не имевшее связи с автором, поручило поэту

С. А. Клычкову воспользоваться сюжетом и общей композицией поэмы Плотникова, оставив в неприкосновенности ряд стихов и строф. Так в 30-х годах появилось новое самостоятельное произведение вольной обработки «Янгал-Маа». Обе поэмы проиллюстрировал художник А. И. Порет. И так как издательство не видело оснований отдать предпочтение какой-либо из них, то обе поэмы вышли вместе в одной книге.

Конечно же, ценность открытого Плотниковым эпоса манси несомненно велика и значительна. Но как бывает подчас, о вкладе фольклориста незаслуженно забыли и о существовании его поэмы знало небольшое число специалистов. Позже появились исследования В. Н. Чернецова, И. И. Авдеева, Н. И. Новиковой, Е. А. Хелимского, Т. А. Бажан.

Почти шестьдесят лет прошло со времени издания «Янгал-Маа». И вот стараниями другого энтузиаста и собирателя устного народного творчества, тюменской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой появилось прозаическое (тоже вольное) переложение поэмы «Янгал-Маа» и «Мадур Ваза-победитель», которую мы сегодня предлагаем читателю. Надеемся, что и вам откроется поэтический и неповторимый мир легендарных героев этого эпоса, картины суровой, но посвоему прекрасной тундры, — земли предков сегодняшних манси. Пусть в сердцах наследников трудолюбивого и благородного народа возгорится с новой силой огонь памяти о том, откуда они, — эти глубинные истоки неисчерпаемой народной мудрости.

Артур Чернышов

⁷ По статданным 1986 года численность манси составляла 6200 чел.

⁸ Плотников М. Вогульский эпос // Плотников М. А. Янгал-Маа. М.; Л., 1933. — С. 46.

⁹ Чернецов В. Н. Вогульские сказки. Л., 1935. — С. 13.

ВСТУПЛЕНИЕ

В дымном берестяном чуме много людей. Возле огня сидит старый шаман Кукса. В руках его длинный посох. Перед огнем на корточках нагревает кожу шаманского бубна горбун Тарни.

— Подай скорее!— неожиданно крикнул Кукса. Наши-тые на одежде и бубне металлические предметы зазвенели. Горбун Тарни торопливо подал бубен. Шаман готовился к песне. В горле у него клокотало.

Бум, бум, бум!— звенел бубен.

— Вы видели на полянах позабытые могилы? Видели, как в густой траве белеют кости тундровых оленей?— почти шепотом спрашивал ойка¹ Кукса сородичей.

По чуму пронесся ропот. А бубну уже вторил голос гуса², жильные струны которого перебирали пальцы прекрасного юноши Вазы.

— В лесах наших стало меньше зверя. В мутных водах стало меньше рыбы. Обмелела кормилица Ас'я³. Все забыли про березовскую Рачу⁴, которая упала в воду, но не далась в руки русским. А нынче все вы пьяны от орха⁵, не приносите жертвы богам.

Возле ног старого ойки зарыдал горбун Тарни, а люди слушали грустную песню старика.

— Мы уедем, покинем Маа, чтобы больше не родиться. И тогда некому будет скользить по снегу на быстрых лыжах по снежной тундре, некому будет ловить песца и белку. Наши лодки сгниют на песках. В паулах⁶ останутся одни мыши.

Грустная песня обожгла сердца людей. За стенами чума шумел лес, грозно ухал, вещая птица филин, черным клювом мерно стучал по сосне дятел, будто предвещал беду. Тишина была такой, что олень успел бы сделать два вдоха⁷. Чуть слышно перебирал струны музыкант Ваза. Сам он был печален и грустен, как осенний день без солнца.

На дымных смолистых щепках горбун снова разогревал бубен. Кожа бубна затрещала. Хмурый ойка Кукса взял в руки колотушку, поставил на колени бубен.

— Раз!— ударила колотушка. Два! Бубен зазвенел веселее. Колотушка замелькала в руках шамана. Над чумом будто грянул гром.

— Я открою вам тайну нашего народа. Расскажу слово в слово старую сказку. В ней говорилось: кто исполнит ее, тот спасет наш народ, укажет ему широкий путь.

И опять зазвенел бубен.

— В далекие годы,— говорил Кукса,— манси ходили в царство Мейка⁸ — злого бога, пришли из страны, где вечно сияло солнце. Пришли и забыли дорогу обратно.

— Расскажи, расскажи поскорее!— торопливо перебирая струны гуса, просил старика юноша Ваза.

Шаман сел на шкуры, положил рядом бубен, колотушку и ответил тише.

— Я собрал сегодня много духов для того, чтобы они слушали мои сказки, мои песни. Они могут разрушить наши желания.

— Все равно. Пой, ойка, свою мудрую песню!— просил музыкант.

В это время в логу будто кто-то заплакал, будто кто-то засмеялся, кто-то хлопал в ладоши, как веслом по воде.

Песня первая

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

На другой день снова собрались вогулы возле чувала¹ шамана Куксы, слушать обещанную песню-сказку.

Он рассказывал ее под редкие звуки бубна печальным голосом.

— Злой дух Мейк давно поселился в нашей стороне. Он хитер: то плачет ребенком, то рычит медведем, наводя страх на людей, то путает тропы охотников, уводит их в сторону ночей и туманов, откуда они никогда не возвращаются. Иногда Мейк летает над паулами. Но где бывает этот злой дух, туда сразу приходит беда: умирают люди, падают олени, горят леса. И напрасно наши ампы² бегают за ним в погоне. Раньше Мейк жил в богатом скопище, в чаще векового леса. В его гордом сердце не горела злоба. Он жил в ладу с народом, с Торымом Великим. Был ласков и справедлив. Но неожиданно из-за гор на маленький мансийский народ напало русское войско. Храбро выступили вогуличи против ружей и крепкого железа. У них были деревянные шесты, копья да стрелы. Но они бились долго за свободу дымных чумов, часто духов звали на подмогу.

Шаг за шагом отступали русские дружины. Но среди вогуличей³ оказался предатель — шаман Гузу. Русский воевода сумел подкупить его расписными тканями, ружьями и блестящими кольцами. Он тихонько от народа вынул у бога Мейка глаза, в которых всегда отражалась радость жизни. Ослепленный Мейк заметался по лесу, отыскивая Гузу. Он носился под облаками, бегал по лесу, нырял под воду, но не смог догнать и найти. Гузу спрятал Торым в Царстве Теней.

Но нашей мансийской семье, родившей Гузу, он стал мстить жестоко. Зажег тайгу, паулы, стал показывать русс-

ким хитрые тропы вогуличей, душил оленей. И теперь еще летает Мейк над нашей холодной землей на своих быстроногих оленях, гремит крепкой нартой.

Ойка Кукса лег на теплые шкуры и проговорил шепотом: «Если найдется герой, который хитростью или силой похитит головного оленя из упряжки Мейка и угонит ее незаметно, тот и совершит первый подвиг к спасению манси».

Смолк Кукса. Долго смотрел на красное зарево заката, опершись о длинный посох. Уже ночь спустились на землю. Робкие тени берез, осин, кедрачей дрожали перед приближением новой ночи. На небе нарождался юный месяц. Он был будто выткан золотом, а звезды сияли серебром и красной медью. И закончил:

— Можно смельчаку чум сменить на нарты и погнать упряжку в царство ойки-старика, Отца Медведя⁴. А путь держать к горам, на север.

Старый Кукса промолвил: «Спать пора! Всем спать пора. Мои уши слышат голос, вам не слышный. Мои глаза видят духа на тропинке. Он может услышать мою песню и рассказать духу Мейку».

В руках старика задрожал посох.

— Завтра я dokonчу песню,— и протяжно прокричал:— Дух идет! Я вижу духа.

Песня вторая

ВТОРАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

На землю Маа¹ пришла осень. Над увалами помрачнел ельник, покраснел осинник. Высоко под облаками скорбным стоном звучали крики улетающих журавлей. И когда снова возле чума шамана Куксы запылал смолистый костер, уныло застучал бубен, вызывая духов ночи, старый ойка Кукса начал новую песню.

— Те годы давно миновали,— начал старик.— А было это так давно, что не помнит даже Ортик². Пришел в наш снеговой край Шубный Отец, важный старец. Свой чум он поставил в горах на утесах, в темных кедрачах. К жилью Шубного Старца ходили люди, недовольные судьбой, а

больше всего обиженные. Шубный старец судил всех по чести: виновных предавал смерти, невинных — одаривал лаской. Так шли год за годом и ни разу сердце Шубного Медведя не скривилось к лжи, ни разу Отец-старец, разбирая спор между вогулами, не поступил не по справедливости.

Но однажды ошибся Шубный старец, когда разобрал дело Ючо³. Как огонь костра в тумане привлекала всех красота юной девушки. Красота и ласковая речь ее не давала спокойно спать каждому, кто хоть раз видел ее. Много прекрасных юношей потеряли покой. Они были смелые и ловкие, но Ючо в ответ им только отвечала с улыбкой: «Не хочу я как другие нээ⁴ быть рабой суровых мужчин. Как вянет цветок от холодного дыхания севера, так завянет и моя красота в постоянной работе».

Миновало двадцать весен, но сердце девушки ни разу не откликнулось на ласки, любовь, обещания. В своих песнях Ючо пела: «Не хочу я быть рабою, мне не надо бус янтарных, парки⁵ теплой соболиной. Я цветами украшаюсь, мне к лицу меха простые: не хочу я быть рабою, быть собакой в дымном чуме».

Но хитрый шаман Лача решил силой взять себе в жены красавицу Ючо. Темной ночью он прокрался в чум девушки, и как безумный рысь, с диким криком напал на нее. Ючо отбивалась, в стархе бегала по чуму. Но Лача только смеялся над слезами девушки. Схватил ее за тонкие руки. Ючо, как змея выскользнула из его рук, схватила тяжелый саырб⁶ и рассекла Лаче голову.

Недобрая весть разнеслась по земле Маа, вихрем летела сплетня: «Вишнэ Ючо в ночную пору заманила в свой чум шамана Лачу и убила его во сне».

И люди кричали: «Стыдно! Стыдно! Разве можно допустить, чтобы женщина убивала мужчину, и была не наказана? Наказать! Убить Ючо! Убить! Наказать и чтобы помнили все вишнэ и страшились!».

Ючо связали крепкими ремнями, привязали к нарте и повезли на суд к Отцу Медведю.

— Смерти требуем! Смерти! — кричали вогулы во гневе. — Смерти!

Старый Шубный Медведь поднял лапу, прорычал:

— Развязать сейчас же Ючо!

Блеснуло десять ножей. Юная, прекрасная Ючо встала

перед Шубным старцем.

— Шубный старец! Мудрый ойка! Я расскажу тебе всю правду,— зарыдала девушка.

— Смерти требуем!— кричали вогулы во всех сторон.

Испугался Шубный старец, хотел было махнуть рукой в знак согласия с толпой, но в это время по вершинам великих гор прокатился грохот, и на быстроногих оленях появился грозный дух Мейк.

— Стой!— крикнул он Шубному старцу.

Все вогулы тут же упали на колени, на вершинах гор закачались кедры, умолкли горные ручьи.

— Ты, Шубный старец, хуже бабы. Ты спишь, как все боги этого народа. Дело свое ты справляешь плохо!— запыхался Мейк и, обернувшись, сверкнув кровавыми глазами, спросил:— Вы хотите смерти Ючо?

— Смерти!— закричали все и вместе с ними Шубный старец.

— Вы сами достойны наказания. Не послушав покаяния девушки, вы, как дети, в глупой ссоре кричите над невинной и хотите карать ее смертью?

— Мы не знаем, что сказал бы Лача, убитый ею.

И тут опять грянул гром.

— Лача, иди! Скажи им правду! Только правду, если они не верят Мейку.

Лача явился из могилы. Поклонился сородичам и сказал: «Я виновен! Я виновен». Голос Лача был глухим, и он тут же исчез, как на восходе солнца исчезает над рекою игривый туман. Наступила грозная тишина. Все ждали жестокое наказание от злого бога Мейка. Мейк же, посадил на свою точеную из кости нарту красавицу Ючо, плюнул в морду Шубному старцу, этим лишив его права разбирать людские дела, и весело крикнул:

— Ючо будет мне женою!

Все люди сразу исчезли, а Шубный старец Медведь спустился с гор, захватил с собой тамгу⁷ Торыма, по которой он мог свободно проходить в Царство Мирры-суснахума⁸. Скоро Шубный старец женился на Мюсснэ⁹ и ушел в свое жилище. После этого он забыл обратный путь в царство Торыма.

— Быть может, среди вас есть герой? И, быть может, он не устрашится; или хитростью или силой, когда сладко спят сторожевые ампы Шубного старца, взять знак Торы-

ма — тамгу Мирры-суснахума?— спросил ойка Кукса.—
Это будет смелый подвиг. Второй шаг к спасению манси.
Ойка Кукса положил на шкуры бубен и вышел из чума.

Песня третья

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

Пришла на землю третья ночь. Под удары бубна, под напев свирели, сделанной музыкантом из кости большого зверя, похороненного в тундре, начал свою третью песню ойка Кукса. Ему вторил на гусе Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен.

Ойка Кукса пел унылую песню. По поверью, в это время из расщелин, из воды, древесных дупел, из глубоких подземных недр выползают духи. Они тихо-тихо крадутся к огонькам сонных паулов, чтобы вселять людям страх, тревожить их души.

— Но однажды,— сказал Кукса,— в темной ночи люди наблюдали, как сияя огненным светом, камнем падает на землю какое-то чудо. Это была птица Таукси¹.

Кукса вздрогнул, часто загремел пальцами по бубну и продолжал:

— Но никто, никогда не видел, как в блеске солнца, в его ярких лучах, она поднимается обратно. А она возвращается на небо, и рассказывает Торыму о всех грехах прошедшей ночи. Мы не видим ее огненных, как пламя крыльев. Только шаманы могут увидеть ее в ночи, слышать хлопанье ее крыльев, тихие крики, похожие на песни.

В далекие годы, которые миновали, как забытый сон, над великой рекой Ас'я, в кедрачах, в немой низине, где-то в болоте гнездилась Таукси. Жила она в маленькой юрте из бревен. По весне к этому месту приплывали лодки, люди привозили птице-богу драгоценные дары. Их встречал мудрый старец, принимал дары, для каждого находил ласковое слово, предвещал удачу в охоте. Людям жилось хорошо. Ночью на берегах тихой Ас'я зажигались веселые костры, и человеческие тени мелькали, как бабочки. Веселые барабаны отбивали дробь и манси тихо-тихо пели песни. Шумела тайга.

В это время всех облетела тревожная весть: из-за гор шли чужие люди. Все мужчины, взяв луки, колчаны со стрелами, бросились навстречу бородатым чужестранцам. Их отряд тихой ночью, как видение Мертвецов из Царства Теней, замелькал между деревьями по проторенным тропинкам.

Со скорбным стоном загремели барабаны, призывая манси на бой с коварным врагом. Испуганные совы, сидя на деревьях, щелкали гортанно:

— Горе! Горе! Чужестранцы к нам подходят. Люди русские совсем близко.

В это время мудрая птица Таукси, в темном капище у яя, вела тихую беседу с шаманом:

— Слушай,— говорила птица шаману.— Не взойдет и день на земле, как придут сюда чужие люди. Ты беги, и расскажи всем манси, что ты видел. Ты скажи им, что улетая в дальнее Царство Торыма, я каждую ночь буду спускаться, чтобы следить за правым делом, буду наказывать виновных, буду охранять широкие двери в Царство Смерти. Не пущу туда бесчестных, буду защищать правдивых манси.

Так сказав, Таукси взмахнула крыльями, и в ярком свете, как пламя понеслась над лесом. А шаман в испуге упал на колени, запричитал:

— Горе! Горе! Смерть приходит. Нет защиты. Поднял в верх руки и закричал:

— Птица вещая, вернись! Не бросай нас волкам в зубы. И услышал над головой строгий голос:

— Встань, старик! Иди в паулы и расскажи о своем разговоре с птицей.

Старик встал покорно, пошел нетвердыми шагами. Приближаясь к паулам, он увидел, как в красном пламени пожара русские люди стреляли из ружей бесовским зельем. Одинокие вогулы, как белки от пожара, бежали в страхе кто куда, оставляя пришельцам все нажитое годами.

Встало солнце. На увале, где стоял паул, догорали головешки, чернели пни. Всюду валялись груды тел, и кровь, как спелая брусника, заливала землю дедов. А русские, взяв с собой добычу, отправились дальше по простору мутной Ас'я, грабить манси.

Тревожная весть стрелой летела к морю. Храброе войско вогуличей поднималось из лесов, низин, топей, урма-

нов, с холодной тундры, с маленьких речек и больших рек. Поднималась великая рать и шла навстречу чужестранцам. В тот же год шаман, который был служителем у птицы Таукси был казнен в Сумгут-воже² вместе с другими трусливыми шаманами.

— Если найдется герой, который не устрашится, а на быстроногих оленях, захватив тамгу Торыма в знак свободного прохода в Мирры-суснахума, где живут тени умерших, и вихрем прилетит к птице, которая охраняет Царство Смерти, а пролетая, проворной рукой вырвет из хвоста священной птицы перо, осветит ущелье, тот смело и спокойно достигнет светлого Царства самого Торыма. Это будет смелый подвиг. Третий шаг к спасению манси.

Так закончил третью песню ойка Кукса.

Песня четвертая

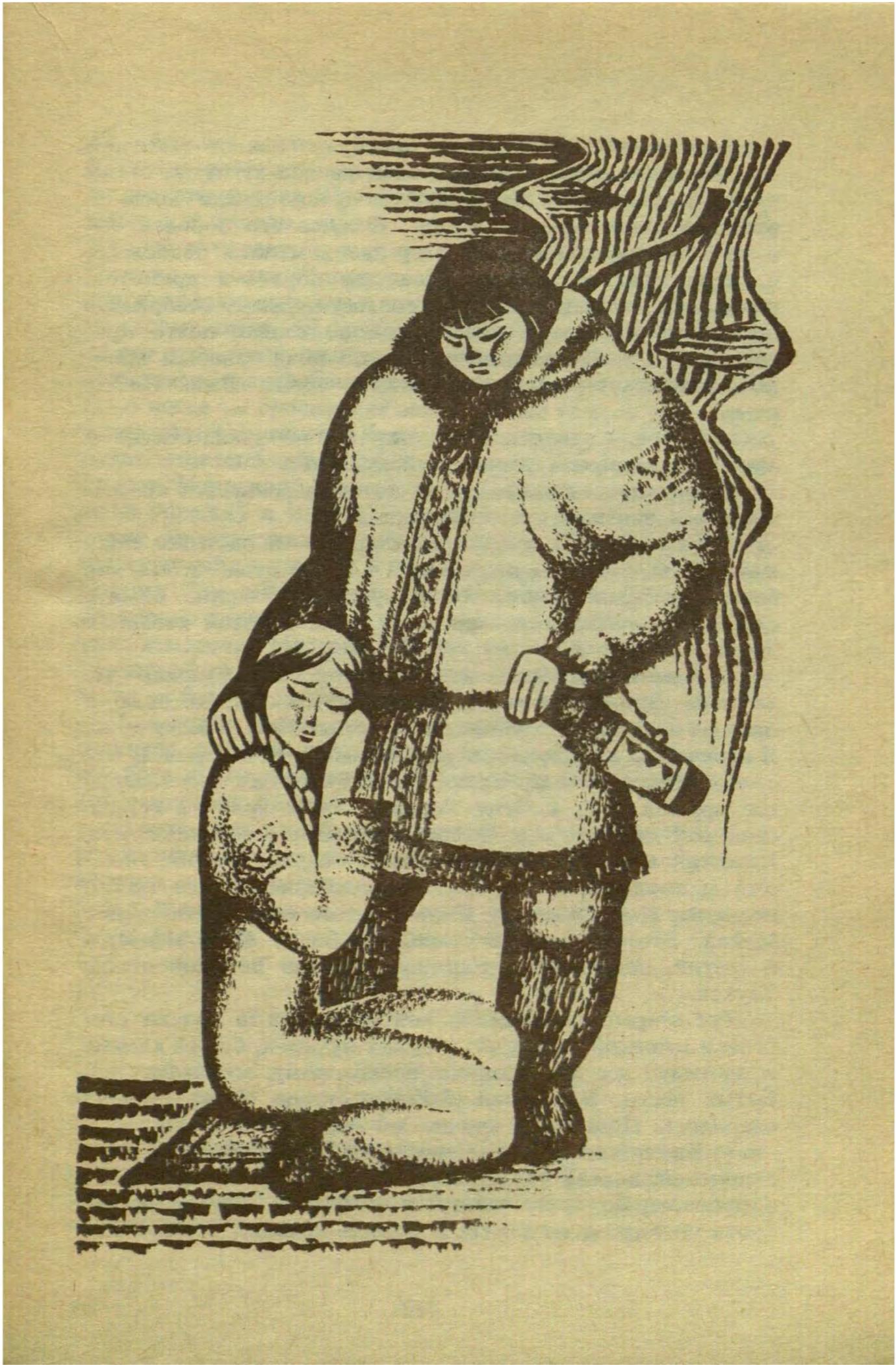
СОН ВАЗЫ

Зловещая черная туча закрыла светлое солнце. Гневно зашумели кедры, серебряной чешуей пробежала по речке рябь. Поднялся ветер. Волны как струны гуса, зазвенели на приплеске. В темном небе, огненной змеей метнулась, как неведомая тамга, лента проворной молнии. Вслед за ней громко стукнул громовой удар, рассыпаясь, побежал в небесных тучах. На землю падал крупный дождь. Он стучал по стенам чума, будто частой дробью гремел барабан. Укрывшись в чуме, в неподвижном забытьи сидел Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен. У дверей тихо сидела, чуть шевеля ушами, его верная белая лайка Снежинка.

Над чумом опять грянул гром. Ветер-буй весело проехал в туче на колеснице, потом надул щеки, стал дуть на нее с края. Туча, покорная, дыханию ветра, с Низины двинулась на север. Ветер гикнул на оленей и погнался за тучей, как охотник по следу зверя.

Ваза, юноша прекрасный, все сидел в забытьи, не слышал взмахов крыльев Ветра с Низины, не видел солнца в небе, не знал, что давно уже сброшены с кольев в воду его сети и запутаны о коряги. В священных облаках меди, солнце склонялось к западу, освещая янтарный лес последним поцелуем. А краски алого заката разливались по небу цветами крови.

Скоро на землю немой, темной птицей опустилась ночь. Алый закат темнел и только полоса, за которой спряталось солнце, еще трепетала. Но погасла и она, Ночь и тьма покрыли землю. На небе зажглись звезды. Только песни сов, как отвергнутые души, звенели между деревьями. Где-то выли волки, в реке плавала ускуль. В лесу, на сосне, голосом шамана шумел и щелкал филин.

Ваза, юноша прекрасный, проснулся как от тяжелого сна, оглядел давно потухший очаг, увидел вогнутые стены чума, белую лайку Снежинку, поправил сзади косы и, вздохнув, снова сел на шкуры. В душе его боролся сон с пробуждением. Ампва Вазы со звонким лаем подбежала к двери чума. Ваза встал, все еще борясь с дремотой, и направился встретить ночного гостя. Дверь отворилась неслышно, и в чум также неслышно вошел, почти пригнувшись к земле, старый-престарый ойка. Слабым хриплым голосом он промолвил: Пайсе, пайсе, Ваза! Пайсе, рума!²

— Пайсе,— ответил Ваза старику, не зная, откуда и зачем пришел он в такую глубокую ночь.

Старик присел к чувалу³, в котором сразу без кремня и лучины запылал яркий пламень.

— Ваза, Ваза!— проговорил старец.— Я один все вижу и все знаю, о чем ты думаешь. Я в твоей душе читаю, как бояр⁴ по белой книге. Но у русского боярина память слабая. Он походит на младенца, но с головой коварной лисы.

— У меня нет белой книги,— продолжил старец,— но за моей спиной стоит мудрость многих лет, которые я прожил на свете. В глубине твоей души, Ваза, я вижу духа. Я чувствую, как воюет в ней белый дух с черным. Ты стоишь на распутьи, как олень, чуешь дым чума, а не знаешь, где прямой путь к Отцу Торыму. Ты сохрани в сердце свою эту страсть, а я помогу изгнать из него слабость. Наряжайся и отправляйся в путь. Он будет далекий, тяжелый и трудный. В своих песнях старый Кукса пел о подвигах. Я напомню их. Первый — это олени бога-злодея Мейка. Второй — тамга старца Шубного Отца-Медведя, и третий, последний,— жар-перо огневой Великой птицы Таукси.

Тут старец дрожащей рукой вынул из-за пазухи стельки сушеной травы, семь сухих лучинок, белый камень и протянул все Вазе, юноше прекрасному, музыканту забытых песен. Ваза взял подарки старца. Лицо старика озарилось. Подойдя к юноше, он прошептал на ухо:

— Как похитишь оленей из упряжки бога Мейка вместе с точеной нартой — торопись. Как только Мейк узнает о пропаже, он сразу помчится в погоню. Ты, не робей, брось мою траву на землю, и будешь невидим Мейку. Сам

же торопись, держи путь на север, к большим горам. У сосны разбитой громом увидишь большую избу. Это жильё старца ойки Шубного Медведя. Возле самого порога избы, как гвоздь, забита тамга. Ты ее тихонько возьми и в любую погоду, пока старец крепко спит со своей женой Мюссне — водяной девкой, скорее садись на нарту и опять отправляйся в путь. Если вдруг старец проснется и побежит по твоему следу, ты брось на землю семь лучинок и сразу на его пути станет великий лес, как стена. Поезжай дальше без страха, как храбрый воин, как потомок вольных манси.

А когда ты бросишь на землю белый камень — увидишь чудо: он превратится в белоснежную птицу — сороку. Она будет наделена даром речи и полетит впереди твоей упряжки. Направляй оленей за ней. Белая птица приведет твою упряжку в Низину, где стоят в тумане леса. Вещая птица сорока укажет тебе дорогу в Царство Мертвых, приведет тебя к ущелью и там оставит. Там начало Царства Мирры. Там живут души умерших. Там на белом камне бессменно сидит птица Таукси и охраняет большую дверь, вход в Царство Мертвых. Но тут ты не оплошай. На бегу, проворной рукой вырви из хвоста священной птицы перо, и, не оглядываясь, беги, освещая им дорогу к богу.

Бог велик, ничтожны люди, но кто первый с теплом и душою, с нартой и упряжкой смело войдет в его царство, все боги станут бессильны. А кто заслужит бессмертие — тот сам будет богом.

В юрту Вазы пробирался робкий луч солнца. Он смотрел из щели и играл на грязных стенах. Ваза спал. Дремала веселая лайка Снежинка. На лавке, возле домашних шайтанов, вместе с гусом и колчаном стрел лежали стебельки сушеной травы, семь лучинок и белый камень.

Песня пятая

ЮЧО

Синим льдом скованы реки. Белым мхом горностая затянута земля Маа. С угрюмым старцем Северным ветром застучала зима в двери чумов. Дружными струйками сквозь морозную пыль тянется черный дым из верхушек острых

чумов.

И только в чуме музыканта, игрока на гусе — Вазы не дымится чувал. Рядом с чумом стоит на шести кедровых столбах покряхтевший амбарчик. Не чернеет тропа к его жилью, шестом приперта дверь, снята лестница и скобки. Нет хозяина чума. Теперь на увале, где жил Ваза, в хвое молчаливых кедрочей проворно резвятся белки, не боясь нарушить покой музыканта и его чуткой лайки. Темными ночами, все еще чуя запах человека и оленей, стаями бродят волки, садятся возле самой двери и воют долго и протяжно.

— Где наш Ваза? Что случилось? Жив ли он? Когда вернется? — спрашивали сородичи друг друга.

Не раз приходили они к мудрому шаману Куксе, просили выведать у духов тайну прекрасного юноши, но все напрасно. Шаман не мог найти ответа. А однажды, когда на небе нарождался новый месяц, в юрте Куксы застучали сразу все три бубна и кто-то защелкал в углу.

— «Хос-хот, хос-хот!» — дрожащим голосом зашептал Кукса. — Хурум, хурум! Сгинь! Оставь в покое бедную юрту!». Сразу все стихло, но чей-то невидимый голос сказал: «Не пытай, старик, напрасно!».

По полянам, по болотам, между увалов, зимним лесом бежала упряжка Вазы в царство Мейка. И только могучий сон мог насильно закрыть глаза юноше. Он выпрягал своих оленей, пускал их на болото кормиться мхом, наказывал своей верной ампе Снежинке стеречь их и не подпускать волков.

Сам Ваза спал под нартой, в яме, выложенной мхом. Во тьме щелкали зубами волки, выли на стужу. Хищные глаза их горели между стволов, замкнутым кругом, как свечки в Царстве Теней. Дух ночи звонким голосом хохотал, хлопал в ладоши, кричал: «Трусишка, Ваза! Вставай, засоня!»

Ваза спал, а верная лайка в страхе поднимала пушистый хвост и ворчливо отвечала на крики духов. Но когда над лесом поднялась темная завеса ночи, волки скрылись, замолкли духи. Семь долгих полнолуний ехал юноша Ваза в царство ойки Мейка, а вместе с ним бежала его ласковая попутчица лайка Снежинка. В седьмую луну он встретил в лесу девушку. То была Ючо.

— Пайсе, вишнэ! Это чудо, что я вижу! Ты прекрасна,

но не оставь меня ответом. Я чужой в этой стороне.

Вишнэ молча улыбнулась и чуть слышно сказала:

— Пайсе, пайсе, рума. Ты напрасно говоришь, что чужой здесь и впервые. Здесь только я одна из смертных.

— А кто хозяин этого леса, этих цветов и трав?

Ючо грустно улыбнулась, покачала головой:

— Лучше поверни своих оленей обратно, а иначе ты погибнешь, добрый юноша. Здесь живет владыко ойка Мейк. Поторопись, а то будет поздно.

— Много раз тебе спасибо,— гордо ответил ей Ваза.— Как назвать тебя, не знаю, но скажу тебе: «Ты цветок на гибком стебле, ты пазан-заут² в темном небе, ты — кватын³ быстрокрылый. Но мне обратно дороги нет. Я как ветер торопился в царство злого Мейка семь долгих полнолуний. Теперь я у цели».

— Ты бессилен,— грустно сказала Ючо.— Ты погибнешь. Поверни скорей оленей. Уезжай. Я тебе желаю добра.

Ваза прыгнул с нарты, помолчал, любуясь красотой девушки.

— Ючо, Ючо. Я пришел сюда по делу. Мне надо еще торопиться в Царство Шубного Медведя, а здесь я затем, чтобы похитить нарту злого бога Мейка, вместе с оленями и упряжкой.

Ючо ойкнула, закрыла лицо руками, заплакала.

В первый миг, когда я встретил тебя, Ючо, я подумал, что это царство молодой царицы Туе⁴. И она, сияя своей красотой, идет мне навстречу. Ючо, Ючо! Цветик жизни!— печально сказал Ваза.— Теперь, когда я понял, что ты желаешь мне добра, я говорю тебе: спасибо! Но мне нет дороги обратно. Я погиб, тебя увидев. Чтобы заслужить твою любовь, мне надо стать равным богу. Быть бессмертным и могучим... А теперь гагара скорби не покинет мое сердце. Я полюбил тебя, Ючо, и знаю, что здесь живет моя гибель. Но я к тебе все равно вернусь.

— Фу-бу, фу-бу!— закричал с дерева большеглазый филин.

На стволе кедра метнулись белки, спрятались в хвое. По траве пробежал ветерок, в стороне хрустнула сухая ветка. На поляну вышел любопытный олененок, и, увидев одинокую нарту, широко расставил ноги. Из-за дерева показалась олениха.

— Кто ты, путник?— робко спросила Ючо.— Мне по сердцу твои слова. Я в ответ тебе скажу: «С большой охотой разделю все твои труды и заботы. Я люблю тебя, Случайный, и спасу тебя от смерти, хотя слишком опасен твой подвиг. Но знай: любовь моя прибавит тебе тревог».

— Ючо, белая береза!— воскликнул юноша.— Меня — певца забытых песен, игрока на звонком гусе,— никто не испугает. Я в песне слышал о тебе, Ючо. И тогда еще поклялся встретить тебя, хоть какие бы беды не встретились мне на пути. Теперь же, когда ты сказала: «Я люблю тебя, Случайный!», мне совсем стал не страшен коварный Мейк.

Ваза взял на руки Ючо, поцеловал, прижал к сердцу и пошел прямой дорогой.

Песня шестая

ПОХИЩЕНИЕ ОЛЕНЕЙ

Легкой, незаметной тенью Ваза крался к юрте Мейка. Была темная ночь. Возле ручья круглый камень преградил ему дорогу. «Тончин, тончин!»— шептала Ючо, подходя к ключу у камня. Две тени двигались неслышно.

Вдруг, как светляк в июльской ночи, сверкнули горделивые рога оленя из упряжки бога Мейка. Ваза остановился. Хрустнула ветка сухая. Сопя ноздрями, на тропинку вышел красивый олень. Он постоял мгновение, но увидев человека, бросился бежать. Крепкая петля со свистом обвилась вокруг ветвистых рогов. Напрасно прыгал олень. Петля запела в сильных пальцах музыканта. Олень задрожал, удивляясь сильнорукому человеку.

Ваза заарканил трех оленей, привязал их к толстым кедром и, обнявшись с Ючо, осторожными шагами пошел по тропке, чтобы похитить нарту бога Мейка. В это время Мейк спал в своей юрте, на нарах. Из открытой двери доносился его громкий храп, слышался скрип толстых бревен, когда он переворачивался с боку на бок. Его ампы-лайки, растянувшись, тоже спали беспробудно. В высокой траве Ваза отыскал нарту бога, постромки, хорей², и все это взвалив на плечи, сгибаясь под тяжестью ноши, шел к оленям, где в страхе ждала его Ючо.

— Ючо, белая моя береза!— сваливая на землю ношу, со вздохом сказал Ваза.— Грустно мне оставлять тебя. Грустно, и не знаю: суждено ли мне к тебе вернуться, чтобы взять тебя и назвать женой.

Ючо с восторгом воскликнула: «О, мой храбрый воин, Ваза! Ты ко мне вернешься богом. Ты вернешься победителем. Тогда задрожит Мейк. А пока тьмой объята Маа, торопись в путь».

— Ты права,— впрягая оленей в белую нарту, выточенную из кости, сказал Ваза и обнял Ючо, полную страданий.

— Ючо, Ючо! Цветок жизни. Ючо, белая береза! Тяжело мне тебя оставлять. Мое страдание велико, как это небо. Но помни меня — Вазу, музыканта забытых песен.

«Лапой Шубного Медведя
С длинными пятью когтями,
Кедром старым в роще ойки,
Где гнездится пупы филин,
Чернозобую гагарой —
Я клянусь³ тебе, мой воин,
Ждать тебя с любовью в сердце...»

Даже в Царстве Теней я отыщу тебя.

— Ну, прощай!— промолвил Ваза.

— Будь хорош!— утирая слезы, ответила Ючо.

В тишине прошли минуты. Сам хорей с земли поднялся, тихо скрипнули полозья нарты, дружно дернули олени. Но прошла еще минута... и Вазы не было с упряжкой. Узкий след полозьев извивался, как две змейки, уходил вдаль, где висела тьма.

Только забрезжило утро, зевая, встал с постели Мейк, обтянул чулками ноги, поискал глазами Ючо. Ее не было возле камина. Мейк вышел из юрты и неторопливо пошел к ключу у камня. На том камне сидела Ючо. Она была грустна, и в мыслях молилась о спасении Вазы — храброго вогула.

— Что ты тут делаешь?— увидев Ючо, гневно крикнул Мейк.— Ты о чем грустишь, земная? Или тебе скучно с богом?

Ючо молчала. Мейк схватил ее за руку.

— Отвечай!— крикнул он.— Бойся гнева мужа. И не сердь меня, земная.

— Грустно мне. Ночью снился дурной сон. И не жми мне руку, больно! стыдно богу мучить женщину.

— Ладно,— сердито сказал Мейк, отпуская руку Ючо.— И не плачь. Слезы только портят зренье.

Мейк несколько раз обошел вокруг камня и вдруг грянул громом:

— Кто здесь был? Чьи тут следы? Кто ходил в моих владениях?

И он, как чуткая собака, побежал по следу, вышел на тропинку, нашел в траве помятый майт⁴ из лосиной кожи, заметил следы борьбы человека с оленем. Оглядываясь, он читал на земле следы, как русский хом¹ читает слова по белой книге. Мейк сразу понял, что случилось ночью, увидев тут же женский след, догадался, почему спокойно спали его собаки и пустили вора в стадо.

— Эмас!⁶— в гнев закричал Мейк.— Все равно будет вор наказан.

В гнев, скрипнув зубами, он помчался в погоню, как стрела, поднимая тучи снега. Мейк мчался темным молчаливым лесом, с диким криком, гневной бранью, погоняя оленей. Нарты прыгали на ухабах, свистел хорей и крепкострунные постромки звонко звенели в новой упряжке Мейка.

Ваза далеко услышал погоню. Он пустил оленей по крутому косогору. Они стали уставать. Сзади слышался грозный голос Мейка. Скоро его упряжка уже мелькала черной точкой у горизонта. Мейк мчался на тройке быстроногих оленей.

— Стой!— кричал Мейк, сдергивая с головы шапку.— Подожди, вогул. Все равно тебе не угнать моих оленей. От меня — владыки. Лучше сдавайся, вор трусливый!

Ваза увидел, что Мейк вот-вот нагонит его, торопливо вынул из-за пазухи белый сверток с талисманом. Дрожащей рукой достал данный старцем подарок для спасения и, шепча заклинания, бросил в Мейка стебельки сушеной травы. Нарта Вазы тут же исчезла. Он стал невидимым Мейку. Напрасно он ругался, протирая глаза, слал проклятия. Ваза был далеко.

Мейк остановился, долго стоял в растерянности и гневно крикнул в даль: «Эй, ты, Торым⁷, я знаю твои проделки. Но ты, старый хрыч, толстый обжора, запомни мое слово: я с тобою еще потягаюсь!»

А храбрый Ваза уже мчался в Царство Шубного Медведя и пел грустную песню о Ючо, о злодее Мейке и о том, что все равно вернется в родные края и возьмет в свой чум радость жизни, нежный цветик-нээ Ючо.

Песня седьмая

ТАМГА

«Лес хранитель наших чумов,
Наших лаек и оленей,
Помоги мне в великом деле...»

Так просил музыкант забытых песен и молился ночью перед опасным подвигом, просил богов помочь ему похитить тамгу и скрыться от гнева ойки Шубного Отца-Медведя.

Оставался один день пути до юрты Хозяина. Виднелись верхушки высоких гор, покрытых снегом. Солнце снова вставало над землей в желтой дымке. «Быть морозу», — подумал Ваза, погоняя оленей мимо кустарников, талтин, мимо белых, ласковых берез. Путь Вазы был далеким и трудным. И теперь олени бежали в гору и утомились. Тяжело дышала лайка Снежинка. Морозные иглы обжигали лицо храбреца.

Как только солнце в янтарной мгле, холодной и золотистой, склонило свой путь к закату, Ваза подъехал к юрте Шубного Отца-Медведя. Она стояла у сосны, разбитой громом. Свою упряжку Ваза спрятал в частом ельнике под увалом. За ошейник из скрученной веревки он привязал лайку Снежинку и стал ждать заката солнца. Как только наступила ночь, Ваза, поглаживая свою верную ампу, тихо сказал:

— Моя белая лайка Снежинка. Жди меня здесь до восхода солнца. Сиди тихо, не шевелись, не подавай голоса.

Взяв с нарты тяжелый топор, он пошел быстрым шагом к разбитой громом сосне. Луна бледнела над лесом, и, поднявшись на темном небе, осветила зимнюю юрту Медведя. В серебристом наряде у юрты стояли стройные кедры. Сквозь бревенчатые стены и толстую дверь, плотно пригнанную к запору, до слуха Вазы донесся громкий храп

Отца-Медведя. Пугливые зайцы бегали в тальниках, боясь подбежать к юрте.

Ваза легкими шагами подошел к закрытой двери, сильными руками схватил за кожаную петлю и, упершись, потянул ее... Она медленно отворилась. Белый пар ворвался в юрту, тусклый сальник закоптил и сильнее разгорелся. Ойка Шубный Медведь с толстой Мюсснэ крепко спали и не слышали, как Ваза взял возле порога тамгу Торыма и бросился бежать к упряжке. Он торопился, и в попыхах забыл плотно закрыть дверь.

Только скрылся Ваза и затихли его шаги, хитрый ветер из Низины стал громко хлопать дверью, стуком будить Шубного Медведя. Старец пробуждался лениво, стал расталкивать сонливую Мюсснэ. Вздун огонь и почувал запах хома, зачихал, зафыркал, охая, вышел из юрты. И во мгле лунной ночи увидел следы вогула.

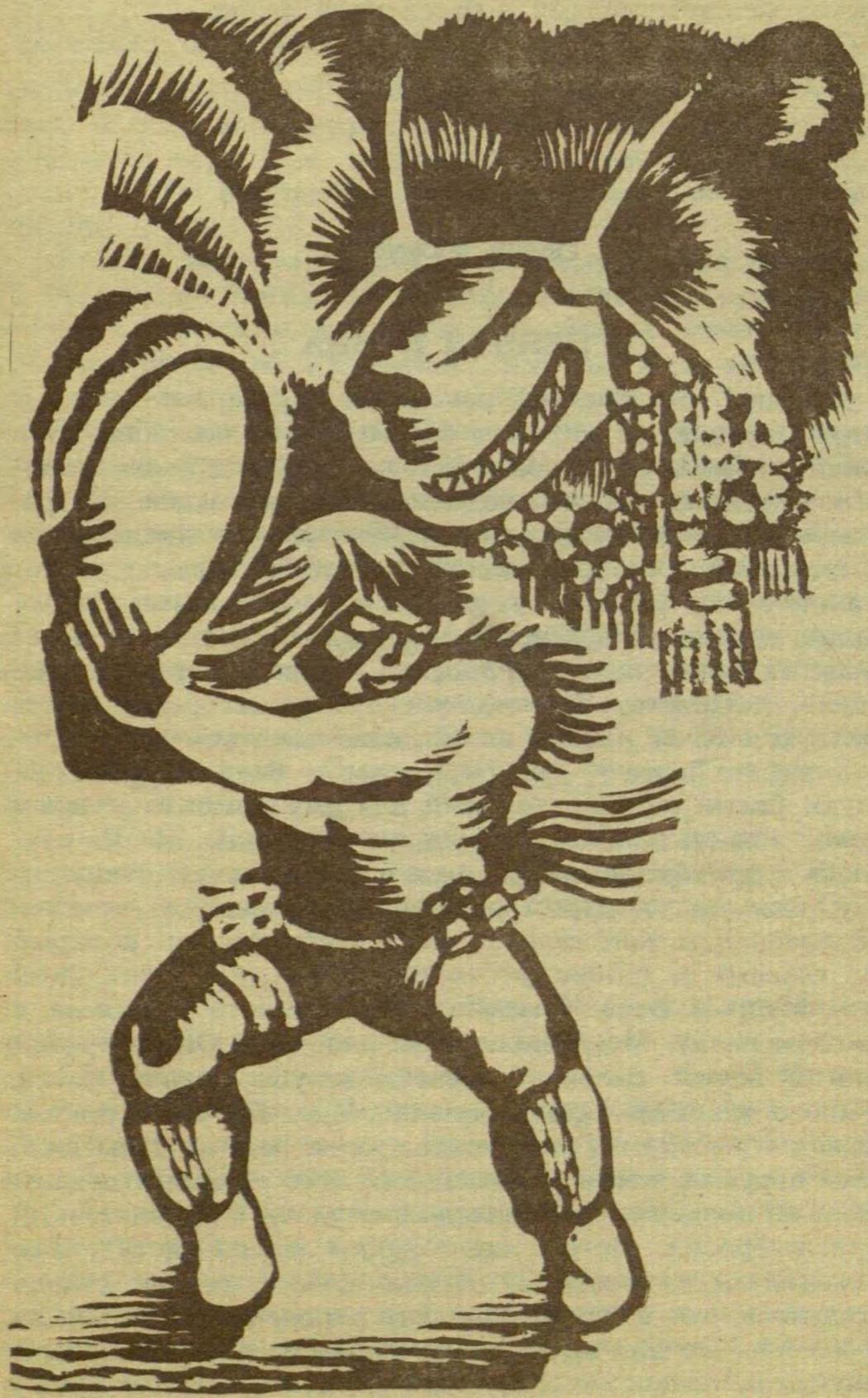
— Кто здесь был?— зарычал старец, вваливаясь в юрту. Потом выскочил, по пути захватив свою дубину, сделанную из ствола березы, и пустился бежать на четвереньках под увал. Ветер хитрый из Низины показывал Шубному Медведю следы в сугробах.

Лайка, белая Снежинка, первой учуяла запах Медведя и громко залаяла. По ельнику, как буря, пролетел рев Шубного старца. Ваза во весь мах погнал упряжку, но ветер с Низины поднял тучи снега, заметал дорогу, бил колючим снегом в лицо, слепил оленям глаза.

Олени мчались к реке по косогору, по сугробам, а когда спустились, то упали на колени, задрожали дрожью, заколдованные злыми духами Шубного Медведя. Тяжелым хореем Ваза бил по спинам оленей, но они не трогались с места. Уже слышны были ворчания Шубного Медведя.

— Стой, воришка!— зарычал старец.— Я знаю ваши проделки. Нынче с перепугу ты не успел промолвить и соврать, как обычно врете в песнях: «Не украл я у ойки тамгу. В том мои невиноваты руки! Знаю я ваши лживые песни!» Вы, мои братья, бьете меня пулями и стрелами, а потом пляшете, одевая мне на рыло берестяную маску. А потом еще гуляете неделю. погоди, воришка!— грозился Шубный старец, догоняя музыканта.

Пришла пора Вазе достать из-за пазухи семь лучинок и бросить их поперек тропы. И сразу великий лес стал стеной. Поднялся от земли до самых небес. Он и преградил

дорогу Шубному старцу. Даже ветер из Низины стих и свистел между стволами в бессильной злобе.

С молитвою в сердце гнал Ваза оленей по тяжелому пути. А вел он его в Царство Смерти.

Песня восьмая

ОГНЕННАЯ ПТИЦА

Длинной, бесконечной лентой между гордых сосен и хмурых кедров, по мертвым застывшим речкам был путь храброго Вазы. Он привык. Его не пугала дальняя дорога. Он стал крепче спать по ночам на хвое, возле костра. И верная его лайка Снежинка уже меньше лаяла, хотя по-прежнему подходили к костру робкими шагами отощавшие волки. Он был на ногах вместе с первыми лучами солнца, торопился в Ущелье Мертвых. В сердце его поселилась скорбь и радость. Радость — от того, что он ближе к цели, к Царству Торыма, а скорбь оттого, что живет в разлуке с Ючей и, быть может, навсегда с ней расстался.

В месяц первый — иенгне-котлег¹ — Ваза вынул из-за пазухи белый камень, который дал ему когда-то мудрый старец. Размахнувшись, бросил его на землю. И тут случилось чудо: камень превратился в белоснежную птицу-сороку, наделенную даром речи. Сорока вскинула крылья, поднялась с земли, села на рога оленя Мейка, который шел главным в тройке, и сказала:

— Мудрый Ваза. Спасибо тебе. Я много лет была в тяжелом плену. Меня заколдовал злой дух. Он превратил меня в белый камень и бросил вглубь мутной речки. Я много веков лежала в мутной тине. Потом я попала в невод к рыбакам. Остяк увидел меня, положил в мешок, а сам подумал, что я промысловый идол. Я долго лежала у него на полке, но не принесла ему удачи в рыбалке, и он меня выбросил. Потом мною долго играли дети... Так я скиталась по свету. И только доброе сердце старца догадалось, что в камне спрятано чародейство. А дальше ты знаешь. Он дал меня тебе в подарок, но сказал: чары злого духа потеряют силу, если я своим полетом укажу

тебе дорогу в Царство Мертвых, приведу к Ущелью, где живут души умерших. А потом я свободна.

— Эмас, эмас,— сказал Ваза, когда птица закончила свой рассказ.— Будь товарищем, сорока, в мои трудные дни. А если мне, музыканту старинных, забытых песен доведется вернуться в свой паул, я расскажу о тебе в песне. И ты будешь бессмертная. Будешь вечно жить в народе.

Сорока, вскинув крылья, полетела, указывая путь Вазе. В след за ней бежали олени, утопая в рыхлом, побуревшем снегу. Со звонким визгом, вскачь, белым комком летела по снегу белая лайка Снежинка. В сердце Вазы крепла вера о счастливом избавлении позабытого народа.

Народилось новолунье. Впереди, как и говорил когда-то старец, показался таинственный лес и встал зубчатой стеной. Юркие белки-воровки отряхали пушистый снег на могучих ветках кедров и громко перебранивались. Внизу, на снегу, вперемежку со следами хитрой лисы и трусливого зайца, в кустах талин бродили волчьи стаи, обгоняя нарту Вазы, но загнав в кольцо лосей, нападали на них молча. Сильный зверь их бил ногами, но в неравной битве со стаей, падал на снег с перекушенной гортанью. Долго тянулся таинственный лес. Снег рыхлел. В дальнем небе расцветало солнце. «Скоро Туе². Где Ущелье?»— взволнованно думал Ваза.

— Птица вещая — сорока,— обратился он к птице,— проходят дни за днями. Весна скоро оживит тайгу. Зашумят реки и ручьи, на деревьях развернутся листья. Тогда придется нам оставить нарту и оленей. Я измучился душою. Увидим ли мы Царство Мертвых?

— Скоро,— выговорила сорока.— Подожди еще полдня и увидишь Царство Мертвых.

Сбылись слова вещицы птицы. На конце лесной Низины был вход в Ущелье Мертвых. Между сиротливых кедров Ваза увидел темную яму, похожую на страшную пасть, уходящую вглубь Маа. Огляделся. Чтобы олени не сбежали, им на шею он одел колодки и оставил пастись под надзором лайки Снежинки.

Утром вещая сорока покружилась над нартой Вазы, весело помахала крыльями, попрощалась с музыкантом и улетела. Ваза, воин-зоркоокий, долго глядел ей вслед. В глазах его была печаль. Но твердой рукой он смахнул

с глаз грусть, впряг оленей в нарту, поднял хорей и крикнул:

— Ну, сынки, скорее-е-е!

Вокруг было темно. По округе бег оленей разносился гулким звоном. В жутком мраке, хитрый ветер протяжно пел песни о смерти. Ваза долго гнал упряжку в застывшей тишине Ущелья Мертвых.

Вдруг, на перепутье, во тьме блеснул и снова скрылся огонек. И скоро, как острой стрелой прорезал тьму, вернулся, как видение, и только потом загорел ровным светом.

Ваза ближе — пламя ярче и все разгоралось странным синим светом. Ему стали видны очертания птицы Таукси Великой. Она сидела в ярком сиянии, на высоком белом камне, где были отворены двери в Царство Смерти.

— Ой-я-я-я! Ой-я-я-я! — что было голосу закричал на оленей Ваза, и как вихрь, промелькнул мимо священной птицы. Таукси вздрогнула, но было поздно: в руке Вазы, как зажженный яркий факел, дрожа, сияло жар-перо за воротами Царства Мертвых.

Ваза освещал им путь, миновал Ущелье Мертвых, увидел в золотом блеске солнца Великую Равнину. Это было Царство Смерти — оттуда прямой путь к Отцу Торыму.

Песня девятая

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Народное предание говорит: будьте милостивы к мертвым. Чтобы там, за гранью, на Равнине далекого царства Торыма, они не нуждались в самом нужном. Не жалейте снабдить их могилы посудой, одеждой, едой, стрелами и луками. Дайте в дрогу шило и нитки, табакерку. Положите с ними нарту, трут и кремь, сеть и обувь. Там, в Царстве Мертвых все пригодится. Ведь все рожденное — не вечно...

Ваза давно потерял счет дням, проезжая по Царству Теней. Здесь стояло незакатное солнце. Бесчисленные стада оленей бродили без присмотра, искали и ели мох. Их рога, колыхались, как кустарники в сильный ветер. Но через много дней Ваза увидел возле небольшой речушки

дым костра, пустой чум и двух тощих лаек. Кто-то невидимой рукой частой дробью стучал по бубну. Казалось, что кто-то плачет и шепчется страшным голосом.

Ваза оторопел. Его земное сердце встрепенулось. Сразу вспомнилась тайга, низина, речка с мутной водой, песни сосен, чумы, лайки. Вспомнилась Ючо... Но скоро храбрец устыдился своего страха, стегнул оленей.

— Ну, сынки, бегите к Торыму!— крикнул могучим голосом.

Олени мчались, и снова мертвая равнина сливалась с далью. Но хотя и было тихо вокруг, Ваза чувствовал движение чьих-то крыльев, чьи-то стоны и вздохи. Ему даже казалось, что кто-то мчится за ним. И скоро услышал тихий прерывистый голос:

— Мадур!¹ Быстрокрылый. С тобой говорит Яный Келб².

Ваза тут же вспомнил сказку бабушки. Но голос сзади продолжал:

Мадур, мадур. Это было в те времена, когда русские дружины неожиданно, как вешние потоки, спустились к нам с гор. Старик железный с длинной белой бородой, злой, как волк, вместе с набожным монахом пришел к нам таежными тропами. По паулам нашим он проходил, как огонь, как мор зверинный, оставляя сзади себя только дым пожаров, кучи пепла и тел. А старый монах молился, все говорил о новой вере, купал наших жен и детей в воде. Наши храбрые дружины пошли против них. Мы бились долго и крепко. Но опять измена среди народа не принесла нам победы. Дружина железного старика одолела наше войско. А за ним, следом, по тропам пришли толпы русских. Обложили наши дымные чумы данью, взяли с собой жен. Вместе с ними, черной птицей прилетела к нам немая смерть, болезни, мор зверей.

— Горе, горе!— плакали старики.

— Горе, горе!— шептал им народ. И лес шептал, и птицы пели, и таежные звери говорили непонятным языком:

— Горе, горе!— плескались в реке рыбы, увидев над водою русские невода.

— Горе, горе!— вздыхал за спиной Вазы голос.

— И тогда, на Медвежьей лапе я поклялся: отомстить грозным пришельцам. С той поры мой голос не умолкал,

как громкий бубен бил тревогу, призывая вогулов к битве. И ко мне шли люди. Настал день. У стен острога, где спрятался боярин с дружиной, наши стрелы зажжужжали, как пчелы. Из бойниц грохнули пушки. Наши храбрецы кинулись к стенам острога. И с утра до темной ночи мы дрались вверху, на кручах. Но сил наших не хватило — мы спустились в низину. И снова, десять раз ходили к стенам острога и уходили только от пушканов.

А в народе пошел ропот: много мертвых, много крови. И голос мой стал похож на детский лепет, не слышали его усталые люди. Ко мне пришел день печали, одиночества и страданий. Но на помощь пришли боги. Они дали мне талисман. Я стрелами поджег острог, перебил служивых людей, полонил боярина вместе с монахом. Но ты знай: русские люди не прощают обиду и никому не уйти от их длинных рук.

Тень за спиной Вазы шептала: «Не торопись, мадур, дослушай мою исповедь».

И вот на нашу землю пришла зима. В эту пору от большого русского царя пришла новая дружина с воеводой Давыдко. И с ним, с книгой и крестом пришел отец-монах пузатый и началась месть за острог. Наши силы повстречались на реке, где проходил бревенчатый мост. Битва была короткая. Вогулы дрогнули скоро и разлетелись как мухи. Я с товарищами долго дрался на мосту. Пали и остальные храбрые вогуличи, я остался один на мосту, политом кровью.

Русский воин — сын боярский, как медведь в медной одежде замахнулся острою секирою над моей головой. Я не сробел, не побежал, а схватив боярина за кольчугу, соскользнул с моста вместе с ним и свалился в воду. Кольчуга была тяжелая, и руки у боярина были крепкие и сильные. Скоро мы с ним очутились на речном дне, и оттуда уже не выплыли. Теперь в народе ты можешь услышать, будто по утрам над рекой возле острога выплывают тени, будто эти тени борются и бранятся. Знай, мадур, — это правда. Это я борюсь с боярином. Но я уже устал. Вот как только ты вернешься от Торыма, я окончу борьбу, и тень тут же громко крикнет: «Смерть жестоким чужестранцам!» Я оживу и обязательно вернусь на землю.

— Будь хорош! — тихо сказал Ваза Тени.

— Будь хорош! — зазвучало сзади прерывистое эхо по простору Царства Теней.

Песня десятая

ПЕНЕГЕЗА¹

За спиной мадура Вазы осталось Царство Мертвых. Осталась молчаливая Равнина, полная загадок.

На западе, где солнце стояло неподвижно в кровавых красных облаках, Ваза увидел длинную, как лента, стену чуть не до неба вышиной. Это было Царство Нума², Царство Мирра-суснахума. У столбов, обитых медью, на крепких железных петлях, где сходились половинки запертых ворот, Ваза остановил нарту, достал тамгу Торыма — знак свободного прохода в Царство Мирра-Суснахума, которую он темной ночью похитил в юрте лентяя ойки Шубного Медведя. Ваза подошел к воротам, постучал и, не услышав ответа, громко крикнул:

— Отворяйте! Кто здесь слышит?

За зубчатой стеной никто не отзывался: не зазвенела на крючьях железная цепь, не скрипнули ворота на железных витых петлях.

Отворите! Кто здесь слышит? Отворите мне ворота!

Если ты дух, то зачем тебе ворота?— ответил кто-то сзади.— Если смертный, то здесь тебе не место!

Я похитил нарту Мейка!— гордо крикнул Ваза.— Я достал тамгу Торыма. В Ущелье Мертвых достал перо огневой птицы, пришел на нарте бога в Царство Мертвых. А теперь я у ворот Торыма и прошу открыть ворота.

— Здесь напрасны перекоры. И гнев напрасный,— начал хранитель входа.— Это крепкие ворота. Они никогда не отворялись перед человеком. Никто не верил, что слабый человек может прийти сюда с тамгою Шубного Отца-Медведя. Хотя Торым давно ждет тебя, человек.

— Отворите,— сказал тихо дух хранителю входа.

— Пайсе рума, пайсе рума!— учтиво ответил Ваза и в знак прощания с духом помахал рукой.

— Берегись, вогул,— крикнул ему вслед дух.— Здесь неподалеку живет обжора великан Пенегеза. Он проглотит, как лепешку и тебя, и упряжку с оленями, и маленькую

собачку. Берегись Пенегезу! А если ты сможешь избавиться от людоеда и обжоры Пенегезы, на твоём пути ещё встретится молодая девушка. Ты молодой мадур! Будь крепче кремня, крепче синего железа. Не поддавайся её колдованию. Умертви свои желания, хотя юному сердцу трудно бороться с красотой прекрасного тела чаровницы Логари.

— Эмас, эмас, великий дух за мудрые слова,— говорил Ваза, и как лебедь в час заката, в золотистой пыли солнца полетел к шатрам Торыма.

В сердце Вазы звучали голоса победы. В душе его, как эхо пели струны, о которых знал только он один. Он пел о том, что скоро закончится его великий путь, он вернется в землю Маа, к родным чумам, принесет тамгу жизни к берегам Конды и великой Ас'я. Эту тамгу великого Торыма он принесет на ветвистых рогах оленя.

Свою радостную песню он успел спеть только до половины, как увидел Пенегезу — злодея и великана. Он стоял на пути Вазы с дубиной. Белая лайка Снежинка оцети-нилась, залилась лаем. Тройка быстроногих оленей дико метнулась в сторону. Ваза еле удержался на крепкой нарте.

— Стой, негодный парнишка!— крикнул Пенегеза.— Ты зачем явился сюда?— и злодей стал подходить к упряжке.

— Уходи с моей дороги, комариное отродье!— бесстрашно ответил Ваза великану-людоеду.— Уходи! У меня тамга Шубного Отца-Медведя. Есть у меня жар-перо священной птицы, есть стрелы, топор. Хочешь — проглоти меня, моих оленей с нартой, мою собаку, но все равно своим железным ножом я распорю тебе брюхо, разрублю ребра, руками перерву горло. И ты подохнешь, как собака, комариное отродье.

Пенегеза удивился, в гневе скрипнул острыми зубами, и длинной рукой махнул перед оленьими мордами, а потом залился диким смехом.

— Испугал меня хвастунишка трусливый. Меня — великана Пенегезу!— кричал он вслед Вазе, но в его словах не было гнева.— Я бессмертный, как все боги, как великие шаманы. Но ты привез тамгу Шубного Отца-Медведя — брата вечного Торыма, и в этом твое спасенье. Ты давно бы сидел у меня в брюхе, пережеванный зубами, не ворчал бы как старуха, не хвастал бы как лгунишка. Не трону

я тебя, детский воин. Прощай, парнишка!

А Ваза уже не слышал его слов, размахивая тяжелым хореем, он выводил нарту на дорогу и с радостью мчался в Царство Великого Торыма.

Песня одиннадцатая

ЛОГАРЬ¹

Если в дороге падают олени, ночью воют волки, зайцы хитрой петлей перебегают дорогу, люди говорят: быть несчастью. Если олени бегут ровно, зайцы только ночами выбегают на дорогу, волки сидят на опушке — надо ждать удачи. Если в закатный час солнце обливается алой кровью облаков — быть бурану. Если солнце озаряет зимний закат желтой медью — тогда по утрам надо ждать мороза.

Многие мудрые приметы вспоминал Ваза, всегда помнил, что впереди у него еще много испытаний.

Как-то в полдень, на равнине он вдруг увидел чум и услышал игру гуса. Чей-то нежный голос пел задумчиво. Ваза прислушался.

«Музыкант, мой храбрый воин,
Я тебя ждала с любовью...
...Ты пришел на нарте Мейка,
С тамгой Шубного Медведя,
С жар-пером огневой птицы.
Ты как дух, как бог из Маа
Ты велик, певец мой Ваза,
Я тебя ждала с любовью.
Я твоя, мой победитель!»

И тут песня смолкла. Отворилась дверь чума и в цветных дорогих одеждах, с тонко вышитыми узорами, вышла на дорогу девица Логарь. Она поджидала нарту Вазы. Она была прекрасна. Склонив голову, опустив в землю ресницы, Логарь стояла с двумя служанками, которые держали в руках разные угощенья. Нарта Вазы поравнялась с чумом чаровницы. Белая лайка Снежинка заворчала, ощетинилась.

— Пайсе, пайсе, мадур — нежным голосом сказала девица.— Придержи своих оленей. Заходи в мой чум. Ты

устал в долгой дороге. У меня ты найдешь нень² и мясо, и сладкую кровь, погрееешься у огня, отдохнешь на мягких шкурах.

— Воньчак эмас-эмас куен³,— учтиво ответил Ваза, придерживая оленей.— Но я спешу к Отцу Торыму.

— Ваза!— громко перебив мадура, проговорила Логарь, вспыхнув черными глазами.— Я знаю: ты поверил сказке злых духов. Но ты не бойся меня. Не проходи мимо моего чума.— Девушка замолчала, тень легла на ее лицо, и как дождевые капли — две слезинки скатились с ресниц на отороченную мехом ягушку⁴.

— Ты не бойся меня, воин,— снова сказала Логарь.— Я давно ждала героя. Много лет я выхожу на дорогу на восходе солнца и все жду, когда заблестят рога оленей, и я увижу тебя. Увидев тебя, я рванулась навстречу, как стрела томар-певунья⁵ из крепкого натянутого лука. Я ждала тебя, Прекрасный...

Улыбнулся Ваза и ответил:

— Много раз тебе спасибо. Я не боюсь зайти в твой богатый чум, и не страшны мне твои чары. Мое сердце не дрогнет. Я люблю мою подругу Ючо. Я люблю мою белую лебедку.

Ваза слез с нарты, привязал оленей к шесту, наказав белой лайке Снежинке караулить их. И сразу медным звоном загудели струны многих гусов, забили бубны. Храбрый Ваза вошел в чум Логарь, сел на посланные шкуры. Две служанки запели песню о герое Вазе — победителе Пенегезы.

«Он пришел из снежной тундры,
Ждали мы его прихода,
Каждый день гадали на бубне,
Каждый день пытали духов.
Язык духов — непонятный.
Их язык, как шептание старцев,
Как лепет маленьких детишек...»

— Мы спрашивали духа: что он видит?— сказала Логарь, вздохнув,— и дух таинственно ответил мне: Шубный старец застлал ему дорогу. Тогда я не отставала от духа, торопила его, молила, и он, сжалившись, сказал:— Я слышу топот. Он едет на тройке оленей. Он проник в ворота. Пенегеза точит зубы. И вдруг дух закричал:— Кийя-юйя! Кийя-юйя! Пенегеза обманулся. Выходи и жди его.

И тут в неземном танце, легком и красивом закружились две служанки. «Я не видел в тундре таких танцев. Я не знал, что девушки и женщины умеют делать свое тело песней сладострастья», — признавался себе Ваза.

Скоро Логарь подала знак танцоркам. Смолкла музыка и в чум покорно вошло десять слуг с угощением. Они низко поклонились и тут же вышли из чума. Ушел из чума игрок на бубне, игрок на гусе, старуха войш-вуйнээ⁶ — нянька Логарь, старая колдунья.

— Ты устал в дороге. Отведай мяса, теплой крови, рыбы, ягод. Расскажи мне, что видел в пути, добираясь до Царства Торыма. Руки девушки незаметно, как весенний хмель, обвивались вокруг шеи мадура. И уста их, как трепетанье юных листьев в тихий вечер, с дрожью слились. Туманом наполнился чум. В ушах звенела нежная музыка. Логарь обнимала Вазу, потом села ему на колени и как в бреду шептала: «Я твоя, мой мадур. Разве ты не видишь моей ласки? Открой мне свое сердце...» И опять туманом наполнился чум. В глазах Вазы заблестела проснувшаяся страсть. Своей крепкой рукой он обнял гибкое, как стебель вьюнка с белыми цветами, тело девицы, и, коснувшись ее губ, замер в пьяном исступлении. Он не знал, что с поцелуем пьет отраву, не думал о бедах, которые предстояли ему впереди. Он даже на миг забыл, что там у злого Мейка его с тревогой ждет бедная Ючо.

Целый день Ваза провел в чуме Логарь и только к вечеру вспомнил, что пора в дорогу. Он быстро вскочил, на бегу простился с молодой чаровницей, и погнал оленей, направляя свой путь к Торыму.

Песня двенадцатая

ТОРЫМ

Робкими руками, в молчании развешивают люди на сучьях в лесу белый ир — значит приносят милость добрым духам, а злему духу дарят черный ир¹.

Ваза повесил перед лицом Отца Торыма белый ир и долго ждал ответа. В Царстве была тишина, ярко горело солнце, блеском светила луна, где-то домылись костры с благовониями.

— Пусть он станет и скажет свое слово,— обратился Торым к своим приближенным.

— Встань, вогул!— вскричали разом боги.— И молви слово!

Не поднимая головы, Ваза ответил гордо:

— Я вам равный — духи бога. И Отец Торым Великий может сам говорить со мной.

Все стихли от дерзких слов мадура и ждали, что Великий Торым изгонит из своего Царства храбреца.

— Белый ир — милость для вогула,— тихо сказал Владыко.— А Торым не требует подачек, ему не нужен белый ир. Убери его, невежда, да уходи, дерзкий безумец.

Ваза громко закричал:

— Знаю я твои законы! И скажу тебе, Владыко, что стою перед тобой не как жалкий вогул из Маа, не безумец, не невежда, а как бог! И подвластен я только тебе. А меня ты не можешь гнать. Я не собака. Я имею место в Царстве и жду от тебя награду за лишения, которые встретил на пути к тебе. Я пришел на нарте Мейка, чтобы увидеть тебя и сказать, что Ваза, музыкант забытых песен, был всегда правдив, знает законы старцев, и принес тебе горе своего умирающего народа. Я принес тебе правду, которая никогда не долетала до твоих ушей. В моей земле Маа есть два начала: волки и олени. Поэтому белый ир мы вывешиваем на хрупкой ветке, а черный кладем на гниющий пень... Это зло и добро, это страдания и надежды. Это злодей Мейк и ты, Торым Великий. День и ночь всегда воюют. Зло с добром, как волк с оленем. Но у волка зубы, как железо, а быstroногий олень беззащитный.

Передохнув, Ваза продолжал:

— Будь же милостив к несчастным, Всесильный Торым. Помоги народу Маа. Я пришел к тебе от манси рассказать о их заботах и просить твоей защиты. В нашей могучей мутной Ас'я по малым и большим рекам, между увалов и соров живут твои народы, которые зовут тебя Великим. Мы — вогулы, зовем: «Торм и Торым остяки — Торым и Нумо, самоеды с Ямальских рек именуют Торма, Нумо. И от этих народов я пришел просить не о власти, не о сытости, а за покой и пищу, за свободу чумов, за сохранность оленьих стад, песков, тайги. Ты, конечно, знаешь, что на нашу землю, на Низину пришли чужие люди, покорили нас железом, наложили дань, умертвили

наших князей, бесчестят женщин. Мой народ долго молился злым и добрым духам, не один раз шаманы вызывали тебя, но ты не отозвался. Твоим духам мы клали большие жертвы, но ничего не помогло. Сила руссов нас давила. Разве ты не слышишь там, внизу звон лопат, удары топоров? Где раньше плотной стеной стояли кедры — теперь избы русских. Разве ты не видишь дым лесных пожаров? Это горят леса вогулов. Разве ты не видишь бедность наших чумов, вымирание народа от болезней и горя?

Ваза говорил громко и ясно, чтобы каждое слово мог услышать бог.

— Русс пришел с топором и зельем смерти², с попом пронырой, который крестил вогул водой, крестом и сладкой речью. А боярин на наших тайных тропах построил свои города с церквями. И потекли потоками на землю Маа русские, оттесняя нас к Ледовитому морю. Они обманывают нас сладкими лепешками, бутылкой водки и таунень³ — огненным хлебом. Не суди меня строго, Великий. Я тебе открываю сердце. Уходя в это Царство, ты оставил людям надежду, и она не умерла в вогульском народе. Об этом я узнал от ойки Куксы, который пел нам в песнях о прошлом, а другой незнакомый старец научил меня, как найти к тебе дорогу. Он велел совершить три подвига: первый — олени Мейка, второй — тамга старца Шубного Медведя, и третий — жар-перо огневой птицы Великой Таукси. Я все исполнил. Теперь стою перед тобой и жду ответа.

— Все ли молвил, сын мой Ваза? — спросил Торым. — Все ли ты сказал, бессмертный?

— Все, отец! — ответил Ваза. — Все, Владыко моей жизни.

— Эмас Ваза, — печально ответил бог. — Мой ответ готов тебе, Счастливый. Ты пришел ко мне из дальней стороны за защитой. Ты совершил все подвиги. Так передай своему народу: Суснахум — Великий Торым обещает им великую награду в Царстве Мертвых. Они получают ее за все беды, которые несут теперь люди на земле Маа.

— Нет, Отец! — закричал Ваза. — Не надо мне такого ответа! Царство Мертвых — не награда!

— А чего ты хочешь? — громко перебил воина Торым.

— Не хочу! Не хочу быть только Тенью, как храбрый воин Ясный Келба, который только и может кричать по

утрам: смерть коварным чужестранцам! Я хочу, чтобы Великий Торым обещал манси победу над врагами...

Лениво возмущившись, Торым сказал:

— Завтра, Ваза. Будь хорош! Я хочу отдохнуть. Отдохни и ты. Голова твоя в тумане, это видно по тому, что ты говоришь.

Ваза поклонился богу.

Песня тринадцатая

АТТА — КЕГ'Е¹

Сарни-тут² — северное сияние — огонь бога, хвост божьей птицы. Оно часто перистыми столбцами одной гранью светит от страны самоедов до Урала, а другой — светлой гранью лежит в стране вогулов, которых зовут обские люди — племя на Конде реке и ее притоках. Там раздался грозный голос Нума и прогремели такие слова: «Пусть олып³ приходит сюда, в этот край и услышит последние слова бога».

Шелковым платком Ваза прикрыл щеки и лоб, без всякого страха вошел в медный город и предстал пред богом.

— Я пришел, — сказал храбрец.

Стало тихо вокруг, и многоцветное пламя северного сияния загорело столбцами. Огонь Торыма, как мелкий туман из огненных лылинок, наполнил город. Где-то испуганно крикнул дух и опять все стихло. Вокруг стало мертво, как в ясный весенний день над землей Маа, когда на снегу блеском играет солнце, слепит глаза, а в небе не видно черных пылинок — стай гусей, уток, лебедей. В такие дни в чумах вогулов дым струится прямой паикой⁴ и лежат под снегом медведи, прячутся в урманах глухари, сидят в норах лисы.

— Слушай, — донесся тихий голос хозяина. — Если ты назвался мудрым, железным корнем⁵, осмелился явиться к Торыму, то поймешь слова простой и вечной сказки... — И дух начал рассказ:

— В ночную пору по тропинке бежали два песца и разговаривали между собой. Первый удивился, что на тропинке нет капканов. А второй ему ответил: «Люди-звероловы все вымерли, как мухи в осенний мороз от красной осыпы⁶».

Они, как голодные собаки, продали свои души купчине за бутылку крепкой водки.

— У них были большие долги, — ответил белый, рослый⁷.

И опять песцы побежали вдоль берега.

— Помню, здесь был белый камень, — заговорил первый. — Этот камень был священным, сюда приносили приношения.

— Этот камень давно испарился потому, что народ был скупым на жертвы. В последний год только кто-то случайно потерял здесь супс и тахом⁸, да ремень от собачьей упряжки.

После этого песцы долго молчали и добежали до безлесой тундры, до границы черных карликовых елей. Здесь их встретил злой дух, преградил дорогу и превратил в речушки. И потекли по тундре две речки, огибая мыс, образуя лягу⁹.

— Скажи мне, богатырь Ваза, — спросил Владыко. — Прав ли был дух, обративший песцов в речки? Я дам тебе для раздумья время, за которое может вскипеть яный-пут'ы¹⁰.

Ваза сразу стал отвечать Торыму:

— Эту детскую сказку я толкую так: когда солнце ходит низко над землей, наша Ас'я замирает¹¹. Рыба уходит вниз, ближе к морю или в устья маленьких речушек. Там люди ставят уды, плетеные из прутьев морды и этими уловами кормят детей. Верно поступил дух, превратив песцов в речушки. Два песца — небольшая прибыль человеку, а две маленькие речушки могут до весны прокормить много людей.

— Верный твой ответ, — сказал Торым. — И слушай меня. Я открою тебе смысл, понятный только одному мне. Перед весной ваша река народов — Обь — замирает от ржавы. Так и вы, народы Маа, перед радостным восходом погибаете от мора, кричите: горе! горе! И как окуни в сетях из одной беды торопитесь в другую. Я вчера общеал народам награду, но ты отказался от нее. А теперь я даю тебе новое испытание. Я даю тебе атта кег'е, называю — Карт-иевра¹².

Верные слуги Торыма тут же принесли ему кольчугу из блестящих, как пылинки колец, железный меч и ножны богатырского меча.

— Вот тебе мои подарки,— сказал Торым.— Надень на тело кольчугу. Богатырский меч и ножны даю в придачу.

Ваза поклонился Торыму, и стоял, наклонив голову, дожидаясь наказа. Бог долго молчал, потом проговорил:

— Когда ты поедешь отсюда, на дороге тебя встретит страшный зверь Иур¹³. Ты убей его. И не забудь взять с собой его когти. Они крепкие, как камень. Когда подъедешь к горам — увидишь трехрогого зверя¹⁴ с толстой шкурой. Этот зверь живет в подземном Царстве. Ты его тоже убей и у него отруби рога, спрячь их в укромное место. Только после этого можешь повернуть свою упряжку в царство злодея Мейка. Не робей, сразу вступай с ним в бой. Ты должен победить Мейка — этого вора и бродягу. Без страха разори его владения. Не стесняйся. Возьми себе в награду все, что сыщешь. Нут и шар¹⁵! Клянусь Медведем, если тебе удастся победить Иура, то на землю Маа придет свобода, а красная старуха — оспа — станет ходить по домам русских, истреблять их болезнями, как истребляет в тундре оленей чума-поземка. Будет страшно, будет голод и пожары, но как испуганные волки побегут русские от смерти за горы. А после этого настанет новое время. Вогульские жены будут здоровы и плодовиты. Лес даст вам все для жизни. В изобилии будет мяса и шкур. Мутные воды Ас'я наполнятся рыбой. Оленям не будет числа, как нет счету иглам на старом кедре. Тучным кхоньи-корым¹⁶ не будет числа. И снова ваши великие шаманы будут жить с вами, и везде: в дремучих лесах, в урманых, на полянах, протоках, реках, озерах, чащах тала встанут идолы-шайтаны. Я повелю, чтобы в землю Маа вернулась баба Рача¹⁷ и Лонт-гусь¹⁸.

И на этих словах Торым смолк. Ваза поклонился, надел доспехи и сказал только одно слово: «Я пошел». И опять был в пути храбрый Ваза. Вновь он сидел на своей упряжке, с ним рядом была верная белая лайка Снежинка. На Равнине он оказался так быстро, что долго тер кулаками глаза и брови. Долго дивился, как смог миновать ворота Царства, Великую равнину, где живут души умерших, узкий проход мимо птицы Таукси. Он будто упал с небес. Долго он стоял в изумлении. Но увидев человека, спросил тревожно:

— Как зовется это место? Может, это Царство Торыма? Или Низина, где живут умерших души?

В ответ ему человек засмеялся.

— Нет,— ответил встречный.— Здесь не Царство Торыма. Это место вечно звалось Сосс'я¹⁹ — Горностаева река, вблизи Конды.

— Будь здоров!— чуть шевельнул языком Ваза на насмешку человека.— Если я не в Царстве Торыма, то значит, я на земле Маа. На Родине.

Песня четырнадцатая

ИУР

В Обском заливе, в белом краю самоедов, где в летние дни лежат льды, которые не могут растопить солнечные лучи. И даже в солнечные ночи лучи Светила скользят по земле Маа, и между синими незабудками, желтыми лютиками и маками все лето лежит снег. Там, в холодном море-озере жила рыба-зверь, зубастый Иур.

Люди на Ямале часто видели чудовище, видели, как он важно плавает по морю, бьет хвостом по льдинам, пускает сверху струи. От его ударов лед раскалывался, как щепы, а большие волны с белыми гребнями с силой били о низкий берег тундры.

Часто бушует море-озеро, а вместе с ним и холодный ветер. Он тучами закрывает солнце, и подув на травы, замедает их снежным пухом и от края моря бежит к горам, принося ненастье. В такое время люди не могут рыбачить, складывают сети на приплесках, и проклиная большой вал, мокрый ветер, уходят в чумы, к огню. А ветер все выл, шумел по коже чума.

— Пошамань! Отгони своим вещим бубном от наших берегов злого зверя Иура. Уйми его,— просили люди шамана.— Ты нагрей бубен на дыму смолистых щепок. Он будет звенеть сильнее. Скажет больше правды.

Дрожащей рукой дряхлый ойка поднимает бубен, колотушку, ставит на колени теплый бубен. Раз!— ударил он колотушкой. Еще раз!— откликнулся бубен старого шамана.

— Два! — послышался удар, и зазвенели тихим звоном знаки гагар и лодок¹. — Два! — ответил бубен и частые удары его полетели в бездну. Замелькала колотушка, старый шаман скоро запыхался. Зажмурил глаза, «чтобы нутром яснее видеть». Потом трижды бросил на четыре части света колотушку — асилибы². Сидевшие возле очага люди подобрали ее, подали старику. Гром гремел в темноте чума. По стенам скользили робкие тени, которые по поверью, вместе со старцем ворожили, стараясь предсказать будущее.

— Слышу! Слышу! — закричал вдруг старец. — По темному небу кто-то скачет. Кто-то гремит тяжелой нартой. Люди заволновались.

— Тише, люди! Тише. Потушите в чуме огонь. Он мешает моим глазам яснее видеть даль. Он уже близко! Солнце пройдет полкруга и вы увидите оленей: и нарту, и путника. Его долго ждали ваши деды. Ждите дальнего гостя из Панюнг³. К нам едет гость-путник. Он, наверное, несет с собой чудо и принесет избавление от злодея-зверя Иура. Он уже близко!

Из рук шамана вывалился бубен, сам ойка повалился на пол, народ в страхе стал выходить из чума.

Злой ветер гнал тучи, гнал снег на землю Маа. Тяжелый вал бил о берег, зверь Иур уносил с собой в море все с берегов, играл в волнах и пускал струи.

— Где олени? нарты? путник? Ничего не видно, — шептали маловерные. А другой ему ответил: — Это ненастье всюду.

В долгом молчании был старый Ярны Окатэтта-самоед из стада и сказал пастуху Хамыби Худи с малой речки Юна-Яга:

— Буря долго не утихнет. Шаманы тоже умеют ошибаться. Путь души — не бог на лыжах. Это путь немногих.

Но не успел закончить слова старый Окатэтто, как люди увидели вдали тройку мадура. Это ехал Ваза. Олени неслись мимо каменных идолов и скоро замедлили бег. Ваза крикнул:

— Мне язык ваш непонятен, и ваши места не знакомы. В наших вогульских паулах вас зовут Юр-ран-кум⁴ — оленный народ.

Ваза помолчал, сказал мудрые слова:

— Все народы — дети Торыма, дети Нумо. Я пришел

к вам с открытым сердцем, помочь умертвить морского зверя.

— Мы тебя не знаем,— ответил Хамыби Худи,— по имени не спросим, а зовем в наш чум, к огню. По правилам нашего народа ты должен отдохнуть, поесть и поспать. А когда захочешь — сам скажешь, из какой стороны приехал.

— Хорошо,— согласился Ваза.— Я у вас буду недолгим гостем.

Ваза слез с нарты, отдал постромки, наказал беречь оленей и вошел в гостеприимный чум самоедов. Его угощали ухой, подавали оленью кровь вместе с мозгами и хрящами. Когда Ваза проснулся, то первыми его словами были:

— Я иду войной на Иура. Я — вогул, музыкант забытых песен, при рождении шаман дал мне имя Ваза-утка. К вам в нозовья великой Ас'я я приехал от Торыма, и по его наказу должен умертвить морское чудо. До приезда к вам я был в Царстве Торыма, проезжал Ущелье Мертвых, видел тень Яныя Келби. У злого Мейка похитил нарту с оленями, у Шубного Медведя взял тамгу, а проезжая по Ущелью, взял жар-перо у священной птицы — Великой Таукси. Я хочу принести вам свободу от владычества Роч-Маа⁵. А теперь прошу вас дать мне крепкую лодку и весло, я поеду в море, навстречу морскому зверю-чудовищу, толстокожему Иуру.

— У нас, у оленных людей, нет для мадура крепкой лодки,— со вздохом ответил Хамыби Худи.— Наши лодки только для рыбалки и годны в тихую погоду. И весла наши тонки.

Но старый Окатэтто, подумав, сказал:

— Я знаю. Есть лодка на большом увале. Ее давно выкинула на берег большая волна. Но у нас не хватит сил снять ее с сопки, если даже соберутся все люди с Ямала и запрягут всех оленей.

— Может, мои олени стащат лодку?— спросил Ваза.

Самоеды усомнились.

— Она давно лежит на увале,— сказал Окатэтто,— и, наверно, рассохлась от непогоды, жары, мороза и ветров.

— Может, мы ее починим, перетрем, смажем серой, затычем щели мхом, на дно нашьем заплаты из вареной кожи в жире.

Люди послушали Вазу, все стали делать вместе с ним, как он просил. У оленей Вазы хватило сил притащить лодку к морю. Здесь и починили ее. С высокой сопки Ваза притащил весло с веревкой, и не мешкая, упершись в тугую волну, сдвинул лодку на воду, сел в нее, ударил веслом. Поднялся вал, снес с приплесков плавник, захлестнул устье малой речушки.

— Егей! Егей! — в страхе закричали самоеды. Но Ваза был уже далеко.

В море он увидел черную точку и стал приближаться к ней. Это был зверь Иур. Лодка Вазы, как крылатая чайка то ныряла между волнами, то поднималась на гребень вместе с косматой пеной. Сильная лодка дробила громадные льдины в пыль. Зверь тоже заметил смельчака, удивился отваге пловца и, нырнув под вал, набрал с водой илу и, подождав когда поплывет мимо лодка, метнул в нее и в Вазу струи воды с грязным илом и камнями. Но мадур не дрогнул. Богатырской рукой он греб лодку, резал тяжелым носом волны, оставляя за кормой клочковатый след разбитой пены.

Иур, увидев человека, оскалил зубы, заревел, поднял хвост и со страшной силой ударил по воде. Вода в море вскипела, забурлила большими пузырями. Льдины, ломаясь, налетали друг на друга, разбивались в пыль и брызги. С неба низко спустились тучи. Скоро в море настала ночь.

Зверь Иур столкнулся с лодкой Вазы, поднял голову, хотел сильными зубами схватить за край. Но Ваза разгадал хитрость Иура, и тяжелым веслом ударил его по ноздрям. Рыча, зверь нырнул под лодку мадура. Но на его скользкой спине лодка только прокатилась, а Ваза в это время успел достать меч. Не успел зверь обернуться, как Ваза, размахнувшись, перебил морскому чудищу хребет и плавник.

Иур нырнул глубоко, оставляя на волнах кровавый след, но скоро снова вынырнул, схватил весло зубами и расщепил его в лучинки. Ваза и тут не растерялся. Он вскочил Иуру на спину вместе с крепкой веревкой и сумел воткнуть в жирный бок морского зверя тяжелый якорь. Закрепил кошкой^б, как в берег, и стальным мечом Торыма проткнул ему печенку и сердце сквозь кривые ребра.

Вздрогнул Иур. Струной натянул веревку (хотел еще раз нырнуть), но уже ничего не получилось у могучего зверя. Атта кег'е — меч тяжелый успел помутить рассудок

зверя. Через семь богатырских ударов мечом Иур лежал возле берега, как толстая колода. Он был мертв. По небу все еще плыли темные тучи, но тьма рассеивалась. Утих вал и скоро засверкали желтые иглы солнца.

— Вот вам Иур — ваш неприятель! — крикнул Ваза, бросая в мягкий берег якорь, и сразу же тяжелым мечом отрубил все четыре лапы зверя и острые когти.

— Храбрые люди Юрраны — дальнейшее племя самоедов. Завтра утром я оставлю ваш берег, — сказал Ваза. — Но после боя мне надо отдохнуть. Я прошу вас: приготовьте мне постель в чуме, поставьте там дымокуры от комаров и до утра не будите. Еще не забудьте дать моей белой лайке Снежинке сала.

Рано утром Окатэтто тихо вошел в чум, дотронулся до плеча Вазы.

— Все готово, добрый мадур.

Ваза встал, натянул свои доспехи, немного закусил мяса, как требует обычай, и расстался с народом Юрраны.

Песня пятнадцатая

МУХОР ОНГЕТ¹

Было ранне утро. На рыбалке было два друга. Один говорил другому:

— Посмотри костер, он, кажется, погас и там тлеют одни головешки. Поторопись, друг, вынь табакерку и набей трубку пьяной травой.

— Хорошо, — ответил другой, доставая из кармана трубку, осторожно высыпал тамбах², чтобы не просыпать крошечку на землю. Размел лучинкой золу, взял уголек руками и, раздув его до искры, положил в трубку. Тонкой синей струйкой поплыл дым. Так же сделал другой.

— Из чего ты сделал трубку? — спросил первый.

— Сам знаешь — из мухорт онгета. Про это знает каждый мальчик.

— А пока мы курим, — сказал первый, — я расскажу тебе рассказ о великом звере, о большом быке Мухоре.

— Ты рассказываешь складно, — согласился второй. — Рассказывай, хотя сегодня не Никола, не Петров день,

не Крещение². Твой рассказ всегда полон словами, в том его и отличие от мешка с мукой, сшитого из налимьей кожи.

— Это ты тоже заметил,— согласился товарищ.— Чтобы твой мешок был полон муки, надо быть в ладу с торговцем, с мангазеей и вахтером⁴: ему каждый раз надо приносить сиводушку⁵.

— Так вот, послушай: у нас под землей, под руслом яра, на дне подземного Царства, во мраке ночи, есть проходы, тропы, речки и даже бездонные озера. И лес там растет великий, разные травы и цветы. Это Царство духов — Веса⁶. И кто-то видел, как этими ходами выходит в Маа страшный зверь с тремя рогами. Даже сильные шаманы не могли смотреть на него без страха. Зубы и рога этого чудовища не трудно было отыскать в илу, в ярах, на увалах. Они тверже камня. Старики говорили, что когда этот зверь выходит наружу, то, увидев свет солнца, сразу слеп, бесился, с воем рыл рогами берега, осыпая землю в воду. В слепоте, потеряв дорогу обратно, он разрушал яр. А когда оттаивала земля, подрывтый берег обваливался и хоронил под собой зверя Мухора. Потом весенние воды вымывали его из-под земли, а рыбаки-остяки, проплывая мимо упавшего яра, находили на берегу желтые кости. Место это запоминали, по приезду домой садились в маленькую лодку, долбленную из дерева или сшитую из беретсы, и ездили за костями зверя мухор-онгета. Потом из них делали табакерки, черни к шилу, ножи, ложки, трубки, кольца. Если находили много костей, то продавали на водку. А когда шибко напивались, громко кричали и ругались.

Так разговаривали между собой рыбаки, безоленные остяки. Первого звали — Печь Салиндер, второго — Тамбури Ямпик. Солнце поднялось на небе, стих ветер, рыбаки пошли к лодке и услышали сзади крик: «Тончин! Тончин!»⁷

— Кто это нас кричит?— подумал Ямпик.

— Егей! Егей!— отозвался на крик Печь Салиндер.

Из молочного тумана им навстречу вышел Ваза со своей белой лайкой Снежинкой.

— Проезжая мимо яра, я услышал ваши разговоры.

Товарищи улыбнулись, а Ямпик сказал:

— Если тебе надо огнива или трута для куренья — угощайся. Но у нас болтливы только бабы, как сороки, а мы мужчины.

— Может быть, у вас в паулах другой обычай,— продолжил Салиндер.— Может, у вас мужчины с бабами болтают о лепешках, о стряпне и шитье. Может, они из оленьих жил выют нитки и умеют играть на женской скрипке. Может быть, ваши мужчины нянчат ребятишек, а женщины на ясак промышляют зверя, перевесом ловят уток?..

— Может быть, у них в паулах,— подхватил насмешку друга Ямпик, но не успел договорить. Ваза взял его за косу, а другой рукой за ворот, ухватил второго и обоих сразу бросил в воду, а в их лодку бросил большое бревно.

— Егей! Егей!— закричали рыболовы.— Пейсе, пейсе, ойка рума. Прости нас! Прости наши насмешки.

Печь Салиндер на корячках выполз на берег, за ним Ямпик. Они, как мокрые собаки, с жалобным хныканьем брели по берегу, кричали Вазе:

— Не сердись на нас бессильных, богатырь с длинной рукой.

— Замолчите!— остановил их Ваза.— С вами трусливыми зубоскалами разговаривает мадур Ваза, победитель Пенегезы, победитель зверя Иура. Знаю: здесь где-то глубокий ход. Лучше покажите мне дверь под землю и я пойду на Веса.

— Страшно нам,— задрожал Ямпик и зашептал:— Недавно, под большим увалом видел я место, где в стужу, из-под снега бьют горячие подземные ключи. Там стоит разбитый громом старый кедр. Он спрятан в кустах рябины. Там есть подземный ход в Царство Ночи. И кто проходит мимо этой ямы, слышит шум, топот, крики людей на непонятных языках.

— Отпусти нас, Ваза,— взмолился Печь Салиндер.— Ямпик тебе все рассказал. Больше мы ничего не знаем.

— Хорошо,— ответил Ваза.— Уходите. Но на прощанье я дам вам совет, который должен помнить каждый ребенок: кто приходит к дыму чума — бывает гостем и встречают его добрыми словами, ставят угощенья. Если захочет — сам скажет, куда держит дорогу. А теперь ступайте. Расскажите в своих чумах, как надо встречать гостей.

— Прости нас и прощай, мадур Ваза, победитель Пенегезы и сильного зверя Иура.

Ваза молча повернулся к ним спиной, и скоро скрылся в молочной гуще тумана вместе с белой собачкой Снежинкой.

- Каково? Получили по заслугам,— сказал Ямпик.
— Разве ты не был со мной? Он меня только взял за косы.
— А меня схватил за ворот. Я давно хотел помыться, поубавить в рубахе вшей.
— Что он сделал с нашей лодкой?
— В этом ты виноват!
— Ты начал свою насмешку!— И друзья рассорились между собой.

А мадур Ваза, одев поверх рубахи кольчугу из мелких колец, взял в руки меч, колчан из меха, привязал медной цепью ножны, амулеты, топор и пошел навстречу Мухору.

Песня шестнадцатая

МУХОР

Над крутым яром шелестели рябины, смотрелись в воду черемуха и калина. В мутную воду посмотрели Ваза с лайкой Снежинкой, и потом шли по еле приметной тропинке вдоль берега, пробираясь к Мухор Весу. Здесь каждую весну, когда в реке поднимается вода, как живые сползают с берегов сосны, кустарники, травы. В давние времена, до прихода русских, на яру стоял медный город князя Самара Магут. В былинах говорилось, что темной журавлиной ночью мудрый шаман увидел сон и рассказал об этом князю Самару: «Князь, мы видели Мухора. Подземными тропами он подошел под городище. Не успеет солнце пройти три круга, как город наш, как круглый камень будет брошен в воду. Видел во сне: будто роща с нашими шайтанами ушла под землю».

На это князь ответил:

— Пусть солнце пройдет три круга, а мы посмотрим, упадет ли яр в воду.

Люди остались недовольны словами князя Самара. Вот солнце прошло три круга и... яр обвалился! Случилось великое горе. Остались живыми только земляные люди, бедняки, которые селились за частоколом города, и слезно горевали над обвалом: где теперь у нас защита? Не стало нашего князя... Это было давно, давно.

Ваза шел берегом реки, громко лаяла белая ампя Снежинка. А еле приметная тропка, как змея, завиляла между сосен и скоро спустилась вниз, к обрыву. В логу, в зеленой траве тропинка затерялась между кустов рябины. «Яма близко», — подумал Ваза, поднимая тяжелый меч. Снежинка перестала лаять. В траве, еле слышно хлюпал ключ. Над старым кедром развевались чьи-то иры. Глухо, как в бочке, слышались непонятные, не людские голоса. Ваза вынул меч, потуже затянул пояс, подвязал колчан со стрелами.

— Ну, Снежинка, настало время, — сказал Ваза своему верному другу. — Будем спускаться в Петлим-емдер¹ — в Царство Ночи.

Подойдя к норе Мухора, Ваза остановился и бросил в подземелье круглый камень, стал прислушиваться к падению. Ждал: скоро ли достанет камень дна и стукнет в колодце. Времени прошло столько, сколько может сделать по лесу пятьдесят шагов хромоногий. Только тогда загремел камень, достиг дно в норе Мухора.

Ваза бросил еще один камень, а потом сказал: «Хватит». Он повалил большую сосну поперек норы Мухора, забил два клина в землю. Из корней лыка стал крутить веревку длиной в пятьдесят шагов, а толщиной в восемь пальцев. Тут Ваза присел, обмыл холодной рукой лицо, вспомнил детство. Вот сидит он один в сумрачных потемках. Мать ушла собирать в лесу саранки². Черные тени в чуме пугают мальчика...

И богатырь Ваза, сидя над ямой в Царство Ночи, запел грустную песню детства: в ней он пел о том, как вместе с косматым псом Пакой ставил в протоке морды. Его кусали комары и кто-то взывал в лесу громким голосом: ко-го-гу! Он испугался, хотел было бежать в паул, но в морду попала рыба. Неумелой рукой он хватает скользского налима, но в один миг из пальцев булькнул в воду толстокожий. Ваза от обиды заплакал. Он еще не знал, что скользкого налима надо брать не под жабры, а за брюхо.

Он бежал к чуму. Кругом была спелая брусника. Весь бор на солнцепеке был покрыт, как кровью. А дома его потеряли. Старый ойка, за непослушание оттаскал его за волосы. Но Ваза все равно удивлялся: почему он должен сидеть с бабами на коже? Он уже мужчина. Но почему-то

ойка все равно встречал его с хворостиной, а лохматый пес Пака, поджав хвост, убегал за чум. Ох, какая была это хорошая беззаботная пора. Какой добрый был старый ойка! Какая гибкая у него была хворостина!

Ваза улыбнулся, вздохнул и как раз в это время зазвенел конец веревки. Не помедлив, мадур обвязал сосну на яме тройной петлей, а другой конец опустил в темный колодец. «Ожидай у темной ямы»,— одевая кольчугу, сказал Ваза лайке и стал спускаться под землю, в Царство Ночи.

По тонкострунной веревке опускался Ваза все глубже и глубже. Скоро стало трудно дышать. Вверху, над головой был виден крохотный выход, как оконце. Еще прошло немного времени и запахло дымом, каменные стены сдвигались. Из тьмы доносился страшный рев.

Все ниже и ниже, все глубже и глубже спускался Ваза. В руке его был конец веревки. «Коротка»,— подумал Ваза, и как паук на паутине, повис в темной бездне. Возвращаться назад герою было стыдно. «Может, прыгнуть вниз?»— подумал мадур. Но могут вдавить в тело острые камни медную кольчугу. И обратно можно не вернуться. Чтобы вернуться, надо быть птицей с крепкими крыльями. Но Ваза был человеком, а не белым орланом, и не шаманом, чтобы мог обратиться в птицу, в зверя или в духа. Долго над бездной думал мадур, и решил спускаться дальше без веревки, упираясь в стены узкого ущелья то спиной, то руками. Он спускался все ниже. Вдруг бокарь³ нащупал камень, как ступеньку. Еще один шаг, и Ваза стал обеими ногами перед входом в Петлим-емдер. Поправив доспехи, надев на лоб черный платок, которым завязывают себе глаза богатыри, и тяжелым шагом, как на Шубного Медведя идет охотник, вошел мадур в подземелье зверя.

В стороне плакал филин-передатчик, предсказывая герою смерть. Филин пел: «Возвращайся ты, бедняжка! Считай, что ты покойник. Ты и сейчас бледнеешь и трясешься. Вспомни свою мать. Вспомни ее радость. Вспомни, как она плясала, одетая в дорогой суконовый кафтан, обшитый беличьим мехом. На ногах ее мелькали бокари из пяти цветных полосок-нашивок и мелких бус. Вспомни, как одевала она белый крапивный фартук, на котором были вышиты: зверь, и хитрый соболь, лисицы, сосновые ветки. Как за тебя она молилась. Воротись!»

Но Ваза не слушал детскую песню хитрого филина. Мадур шел в подземелье как опытный охотник. Навстречу ему двигался крепконогий мамонт. Они приближались друг к другу. Не вскипел котел на углях, как сошлись подземный зверь с человеком. И они сразу вступили в кровавый бой.

Засвистел, заблестел меч героя. Зверь Мухор взревел от боли, и топнул толстыми ногами, набычив голову, понесся на мадура. Ваза наклонился, и как мышь в нору, юркнул между ногами мамонта, а потом в его жирный зад всадил меч. Зверь взревел от боли. Хотел было повернуться в узком, каменном проходе, но сдвинуть гору с места был бессилен. Не робея, Ваза бил Мухора тяжелым мечом. От руки богатыря зверь почувствовал свою гибель. Он лягался, пятился назад, но потом, собрав силы, побежал по ущелью быстрее оленя, оставляя за собой брусничный след. Ваза бежал за Мухором. Бег его был таким, что колебалась земля Маа. Наконец Мухор споткнулся и упал, истекая кровью. Ваза, как и обещал Отцу Торыму, прыгнул зверю на спину, тремя ударами меча отрубил рога. Мухор еще раз встал на колени, но тут же упал и не мог больше подняться.

Герой взял три крепких рога, взвалил себе на спину и пошел к глубокой яме. Филин-передатчик — ночная птица, зафыркал, захлопал крыльями, запел вслед Вазе песню: «Бедный мальчик. Я ошибся. Ты не умер. Видно, твой старый ойка перед твоими глазами ворожил над люлькой. И теперь пред глазами впереди по всем дорогам мчится счастье твое. Везде тебя ждет любовь и удача».

Ваза подошел к узкому проходу. Привязал к веревке тяжелые рога зверя. И кто-то невидимый семью руками ухватил Вазу, музыканта забытых песен, и поднял его, как птицу, наверх, к белой лайке Снежинке.

— Теперь я быстрее вольной птицы, — подумал Ваза. — Теперь я полечу к злодею Мейку, к цветику моей жизни — нээ Ючо. Я слышу звон! Я слышу крики!

Песня семнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Каждый день выходила нээ Ючо на дорогу. Она ждала Вазу — музыканта забытых песен. Каждый день, только открыв глаза, она говорила про себя: «Может сегодня встречу Вазу», а когда проходил день, она ложилась спать, думала опять: «Может ночью придет мой жених». Но проходили дни за днями, а Вазы все не было. Темною, позднею порою Ючо часто гадала на бубне, сшитом из налимьей кожи, слезно просила: «Ответь скорее, бубен! Придет ли мой Ваза». Но бубен молчал. И только однажды ночью что-то ответил неясно, непонятно: «Встреча будет не скоро. Больше не спрашивай меня».

И опять осень сменялась на зиму, а зиму сменяла весна. Уже в который раз на упругих крыльях летели в землю Маа стаи крикливых журавлей. Но приходило лето и слезливо, как старуха у чувала, подбиралась осень. Увядали травы, облетали листья лесных нарядов. Однажды, в месяц падающих листьев, вышла Ючо на тропинку, где когда-то прошалась с Вазой, и задумалась в тоске. И ей показалось, что душа ее поднялась высоко над лесом. Она оглядела даль, но скоро снова очутилась на тропинке. Она долго не могла понять — сон ли был с нею, или явь. Когда обернулась, чтобы присесть на нарту, то у ствола сырого кедра, в рваной парке сидела сгорбленная, как крючок для рыбной ловли, старушонка-шаманиха с бубном в руке и посохом.

— Здравствуй, бабушка! Откуда ты пришла в такое ненастье?— спросила Ючо.

— Здравствуй, Ючо,— беззубым ргом прошепелявила шаманиха.— Я пришла тебя проведать и раскзать о том, о чем ты спрашивала у бубна.

Опершись о посох, старуха молвила:

— Молодые глаза слезливы — значит, их духом владеет грусть. Я скажу, что цветок жизни не увянет у того, кто ждет. Я не знаю, сколько прожила, если бы считала свои

годы по лучинкам, мне пришлось бы наломать щепы большую кучу. Ты тоже долго живешь, Ючо, и старости не знаешь. А ко всем, живущим по земным правилам, смерть приходит в свои сроки. Но ты не бойся увядания. Ты умрешь прекрасным цветком, без страданий.

— Оставь меня, старуха, — вскрикнула в испуге Ючо. — Не пугай меня смертью. Я бессмертна в Царстве Мейка. А если твои глаза зрячие и ты видишь будущее, то скажи: скоро ли вернется Ваза? Может его упряжка близко? Может, за лесом?

— Он вернется в Царство Мейка, — сурово сказала шаманиха. — Он стоял перед Торымом. Он вернется. Но... ты умрешь, когда услышишь его голос.

— Уходи, злая колдунья! Я не верю твоим словам! — закричала Ючо. — Если даже в Царство Теней отлетят мои мысли, то и там мадур Ваза среди духов отыщет меня. Он оживит меня хитта-инк² — живой водой. Ты, злая колдунья, уходи. Если Мейк увидит тебя, то тебе станет худо: он раздавит тебя как гнус! — говорила Ючо со злобой. И старуха как сквозь землю провалилась.

Но после слов шаманихи Ючо совсем загрустила. Ойка Мейк — коварный дух заметил грусть Ючо и спросил тягуче:

— Мало ешь и спишь тревожно. Есть забота? Глаза внизу — печаль на сердце. Я все вижу дальним глазом. Отвечай: о чем забота?

Мейк долго ждал ответа Ючо, но, не услышав ее слов, тягуче, с насмешкой промолвил:

— Как цветок на пне осины, так и твоя робкая надежда живет в глазах. Отвечай мне, Ючо, в чем твоя надежда?

Мейк терпеливо ждал ответа, но его не было.

— Отвечай же! — закричал, зарычал Мейк. — Знаю я день, когда парнишка отвязал моих оленей, увез нарту. Тогда еще, рядом с его твердым шагом, я видел другой след. Это был след какой-то бабы. Может, ездил он с тобой? Брал тебя для веселья? Может, ты мне ответишь: чей там был след?

— Послушай, Мейк, — заговорила Ючо. — Может, ты ответишь на мои вопросы?

— Хорошо. Согласен, — краснея, ответил дух Мейк, — хотя по закону ты не можешь испытывать мужа.

— Первый мой вопрос, — сказала Ючо. — Если мужчина женится, он несет калым семье?

— Да,— нахмурившись, ответил Мейк.

— Второй вопрос не труден для духа. Если калым не принят, то куда уходит печальный жених?

— Он идет домой,— ответил Мейк.

— И последний вопрос!— гневно сказала Ючо.— Может дух нарушать законы? А, нарушив, быть судьей, как Шубный старец? Ты нарушил закон, когда увез меня на оленях.

Мейк разгневался.

— Хитрость женщины-лисицы! Помню я, как Шубный старец поднял над тобой лапу, в знак согласия с вогулами, которые требовали для тебя смерти. Я увез тебя без сватовства. Здесь, у меня, ты живешь свободно, ешь мясо оленей на чаше, вырезанной из коричневого камня. И скажи: прав я, нарушив закон, взяв тебя в жены? Тебя — смертную девку! Тебя — вогулку! Я мог жениться на равной.

— Мейк,— остановила его Ючо.— Мне осталось жить недолго, и потому я скаже тебе правду. Да, я жила с тобой и не знала забот. Но пришел мадур молодой с открытым лицом! И вместе с твоими оленями, с твоей нартой он взял мое сердце, взял навеки душу. Я поклялась его дожидаться. Поклялась страшной клятвой вогул—лапой Шубного владыки с пятью длинными когтями. И если бы я узнала о смерти музыканта забытых песен, пошла бы искать его под землей, в Царство Теней. Но он ниоткуда не дает мне вестей. Не зовет меня...

— Ючо, Ючо! Цветик жизни!— протяжным звоном наполнился лес. Дробился в лесу звонкий лай верной спутницы мадура — Снежинки. Шумел лес. Старый филин стрелой взвился в небо.

— Возвращается музыкант забытых песен! На твоих оленях, Мейк, едет весело к тебе, будто в гости. Хватит слушать бабьи разговоры, приготовься к драке.

— Замолчи, слепая гнида!— закричал на птицу Мейк.— Я это знаю без тебя, слепой собаки! Скажи лучше: по какой он едет дороге.

— Он уже перед твоей юртой!— крикнул филин.— Он приехал.

— Пайсе, пайсе, Ваза!— закричал мадуру филин.— Мейк и нээ Ючо ждут тебя в гости. Готовят угощенья. Отдохни, мадур, в юрте Мейка, на его мягких постелях!

От этих криков вещей птицы Ючо задрожала, как листок на длинном стебле в осенний, непогодный день.

— Не убей его!— склоняясь перед Мейком, сказала Ючо.

Но Мейк был уже в страшном гневе. Весь налился черной кровью. Проворной рукой схватил со стены колчан со стрелами, взял свой зазубренный меч и вышел из юрты с диким криком: «Огенкейя!»³

Улыбаясь, медленной походкой шел богатырь к злому Мейку. Он сиял, словно месяц в полнолуние. Ярко светилась его кольчуга из мелких колец. Подняв свой меч, подаренный ему самим Торымом, крикнул Мейку:

— Защищайся, лесной бродяга, старый вор, поедатель оленьих стад!

— Эмос, эмос!— задрожал Мейк.— Эмос, тухлый чебак с яя Конды. Теперь ты получишь по заслугам за все: за моих оленей и за украденную нарту.

Мейк махнул тяжелым мечом, рассекая ветер, и ударил по кольчуге Вазы. Меч скользнул, как с горки лыжи, не задев тела мадура, и зарылся по крыжину в землю.

— Эмас!— заорал Мейк.— Шубу крепкую одел на свое пустое брюхо. Но у моего меча крепкие зубы. Они достанут твое сердце!

Меч Мейка заблестел, потому, что ржавчина до крыжины очистилась о землю. Два меча, как две молнии, блеснули огневой красной пылью и будто прогремело сразу два грома. Начался бой. Бесперывно от могучих ударов летели искры, как лесной пожар, и звон их был похож на бурелом, какой бывает во время грозы и страшной бури, когда ветер тяжелой лапой валит лес, как крупные былинки. Далеко по Царству Мейка разносился страшный стон. Земля под ногами стонала, колебалась, как трясина на болоте. Дрались два смертельных врага. Старый филин-смехотворец сидел на высоком кедре. Трижды падал от тряски дерева и, поднимаясь, отыскивал для укрытия сук потолще. Много раз Мейк и Ваза сходились грудью к груди, много раз расходились, отряхивали кровавый пот на изрытую ногами землю, мягкую, как зола. День шел на убыль. Солнце катилось к Низине и оттуда тянулся темный сумрак. Скоро наступила ночь. На дорогу вышла юпсе⁴. Солнечный брат — месяц пошел бродить по небу между звезд.

Бой не стихал. Мейк и Ваза дрались с прежней силой. Дрались до рассвета... Ровно в полдень Мейк в первый раз споткнулся и почувал беду. «Плохо! — мрачно подумал он. — Силы старые уходят» .

И тогда, ловко повернувшись, он прыгнул на верхушку старого кедра. Там вынул стрелы и лук, привязал к руке дощечку, чтобы не била струна, натянул упругий лук и послал стрелу прямо в сердце Вазы. И снова стрела, стукнув о кольчугу, отскочила, пала на землю. Но летела уже вторая стрела. Старый Мейк — вор оленей, послал ее на голову Вазы. И опять стрела воткнулась в землю. Ваза рассердился. Лицо его налилось кровью и, сорвав ремни у меча, он с силой бросил его в трусливого злодея. Задрожал, завизжал на кедре Мейк.

— Подожди, хватит драться! — закричал он с дерева. — Можно миром кончить наше дело, нашу ссору. Все бери: оленей, нарту, бабу... и убирайся. Не тревожь мою старость.

— Нет! — ответил на это Ваза. — С тобой мир плохой. Будем драться дальше, хоть до могилы.

— Нет! — закричал Мейк. — Если Торым — большое брюхо, глупец ленивый, хитрее тебя, и то не сумел меня принизить, то тебе не по силам победить меня, малый теленок! У тебя еще мало силы тягаться со мной. Но ты послушай меня.

Ваза не хотел слушать хитрые слова злодея. Схватив свой меч, боевые стрелы и прицелившись, пустил одну из них в сердце Мейка. Томар-лен⁵ была с железной вилкой. Мейк вскрикнул. Стрела поразила его сердце, и он рухнул с верхушки кедра, как глухарь, ломая сучья. Упал к ногам богатыря. Тут же ударами меча Ваза разрубил Мейка и громко закричал:

— Торым! Отец наш грозный! Я свое исполнил слово. Я сдержал свою клятву!

Ничего не ответил на его слова Торым, и не подал никакого знака. Ваза трижды свистнул, подзывая свою верную лайку, и воскликнул громко:

— Ючо! Ючо! Цветик жизни! Отзовись. Иди ко мне навстречу. Я — твой жених. Я вернулся. Я обещал тебе.

Песня восемнадцатая

СМЕРТЬ ЮЧО

Ючо! Ючо! Сальпить¹, Ючо!— печальным голосом крикнул Ваза. Он, не знавший страха, побывавший в Царстве Мертвых, и в Царстве Торыма, что давало ему право власти над огнем и водой, сделало его могущественным не только среди людей, но и богов, входил в юрту полный жутких сомнений за судьбу своей невесты.

— Сальпить, Ючо! Цветик жизни,— говорил Ваза, дрожащей рукой поднимая суконный сап².

Перед ним, на соболиной постели, как подраненная лебедь, с лицом блее снега, распустив черные косы, лежала Ючо.

— Ючо! Ючо!— тихо и печально говорил Ваза.— Отзовись. Скажи мне слово, что случилось с тобой, мой цветик жизни?

Прошло время, за которое может вскипеть не только большой котел, но стать пустым и растопиться, а Ючо все молчала.

— Хос-хот, хос-хот³! Крылья черной многокрылой птицы. Птицы вещей, с острыми семью когтями.— Геге, геге! лапа Шубного Медведя. Пусть железный зуб перекусит много оленьих жил, остановит на дороге семь шаманов, чтобы они оживили мою Ючо.

Прошло еще столько времени, что можно запрячь упряжку, починить нарту, а Ючо все лежала, распустив черные косы на тропинке Царства Теней.

— Торый⁴! Тохт⁵!— мое слово к вам, и вы должны его услышать. Я прошу вас: дайте мне живую воду. Умирает моя Ючо.

Еще прошло время. В юрту Мейка пришла ночь. На кедре начал видеть филин, но ни журавль, ни глухарь не отозвались на слова мадура. И тогда, гневным, звенящим голосом Ваза закричал исступленно:

— Торым! Я требую ответа! Ты меня должен услышать! Отвечай скорее!

И в ответ от конца в конец вздрогнула кожистая земля Маа, как на гребне волны дрожит маленькая ветка. Грянул гром, подул ветер, и Великий Торым ответил Вазе строгим голосом:

— Что кричишь ты, ойка Ваза, как ребенок без игрушки? Как смеешь беспокоить сладкий сон Владыки?

— Стой, Великий!— гневно закричал Ваза, не дослушав речь Торыма.— Я мадур, из рода манси, музыкант, игрок на гусе, говорю тебе, как брату: «Оживи мне Ючо!»

— Кто убил Мейка?— добавил Ваза.— Кто в далеком Царстве уничтожил Пенегезу, а в белом крае самоедов умертвил зверя Иура? Кто добыл рога страшного зверя Мухора? Это сделал я — музыкант забытых песен. И за это в награду я прошу одно — дай жизнь моей невесте.

Торым ответил грозно:

— Твои подвиги мне известны. Не ослабела моя память, но ты получил свою награду! Ты стал равен ойке — духу. А теперь ты, победитель, горькими слезами плачешь над мертвой бабой. Слушай, Ваза, и знай, кто убил красавицу Ючо. Ты разрушил чары Мейка, вместе с тем и жизнь невесты. Так чего ты плачешь пустыми слезами? Пустыми словами тревожишь бога.

Ваза, дрожа от гнева, закричал:

— Старый пес, лисица неба, я отказываюсь быть бессмертным, быть послушным, как собака и называться победителем. Я желаю тебе смерти! Я желаю в Царство Мертвых, чтобы там встретиться с душой Ючо. И всем сторонам света я кричу: «ОТРЕКАЮСЬ! ОТРЕКАЮСЬ!»

Торым гневно ответил Вазе:

— Ты отрекся? Это услышали все духи. Это слышали все четыре края света. Ты отрекся от награды ради старой, дряхлой старухи. Пусть будет так.

Ваза снова со слезами опустился на колени перед Ючо, снова поднялся, протяжно крикнул:

— Отрекаюсь! Отрекаюсь! Я клянусь и обещаю лапой Шубного Медведя, что верну Ючо с тропинки в Мертвое Царство. А пока, имея меч двухсторонний, положу его в ножны.

Но когда Ваза вновь опустился на колени перед Ючо, то перед ним лежала не нээ прекрасная, а старуха с сухой землистой кожей. Ваза не поверил, что его цветик жизни Ючо, белая березка, милая его невеста превратилась в старуху. Он подумал: Торым подменил ему невесту. Но когда увидел смоляные косы Ючо, промолвил в забытьи: «Это Ючо, это моя нээ. Убив Мейка и его чары, я убил свою невесту». И с грустью подумал: «Мой дальний, дале-

кий путь к Торыму был без цели! Нет мне радости. Нет мне надежды в сердце. Я пойду за Ючо». За спиной он услышал чьи-то тихие слова, обернулся. Перед ним стоял старый ойка, который приходил в чум, приносил стебельки сушеной травы, семь лучинок и белый камень.

— Помнишь, Ваза, незканомца? Старика из темной ночи? Той ночью на распутьи убегающих тропинок ты думал с грустью о своем народе и желал ему свободы. А теперь ты после дальней дороги грустишь? Ты опять стоишь перед дорогой.

— Я, вогул безродный, часто вспоминал тебя. Я звал отцом. Ты вновь пришел меня утешить?

— Нет, я пришел тебе напомнить. Ты закончил свой тяжелый путь. Ты нес надежду для позабытых народов, и поэтому тебе нет дороги за Ючо. Ты, мадур, в своей смерти не властен. Погребви тело Ючо, поставь большой столб из кедра на ее могиле, укрась узорной резьбой, чтобы все знали, чтобы все видели и помнили невесту Вазы. Сам ты возьми меч, надень на грудь кольчугу, и подай мне руку в длинной черной рукавице, и мы с тобой будем ездить на быстроногих оленях по мансийским паулам.

Бедным и робким людям в дрянных шубах, живущим в низких юртах, мы скажем: «Зарубите на старой тамге семь зарубок. К старой стреле приклейте перо для правильного полета, вставьте ее в лук клееный из семи пород деревьев. Настало время».

— Нет,— с грустью ответил Ваза.— Сердце мое разбито, и путь, о котором говоришь ты, мне будет не под силу. Разве солнце остановишь, как оленя в беге? Разве Ас'я запрудишь? Разве миг ушедших возвратится? На все это я скажу: наши боги вместе с Торымом обманули бедных манси. Они оказались бессильны. Моя Ючо умерла и не проснется. Я просил Торыма, я кричал ему на небо. Ты же слышал? Я отрекаюсь! И теперь я отрекаюсь!

Наступило молчание и первым его нарушил старец:

— Дай мне руку, сын мой, Ваза. Нам не нужен меч, не нужны тяжелые ножны. Закопай их в землю, положи туда кольчугу. Мы лучше пойдем с тобой искать живую воду. Быть может, мы сумеем разбудить Ючо.

По утру старец и Ваза с печальными лицами схоронили нээ Ючо, меч с ножнами, кольчугу — подарок Торыма на горе, под старым кедром. И ушли. Куда? Не знаем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСНЯМ

ВСТУПЛЕНИЕ

- 1— *Ойка* — мужчина. Здесь — старик, старый.
- 2— *Гус* — музыкальный инструмент, под который манси обыкновенно поют свои песни, а также пляшут.
- 3— *Ас'я* — река Обь.
- 4— *Рача* — (она же: Золотая Баба, Калтысь, Сянь-Торум, Сорни-Най, Юмала, Сорни-Эква, Дьес Эмгэт, Хозяйка Медной Горы) — божество. По преданию Рача при каждом приближении русских бросалась в Обь или таинственно исчезала. Место ее пребывания — Рачевские юрты.
- 5— *Орха* — водка.
- 6— *Паул* — селение, поселок.
- 7— «*Два вдоха*» — манси считали расстояние на «вдох оленя», т. е. на промежуток, который пробежит олень, набрав воздух в себя.
- 8— *Мейк* — (вернее: Менкв) — антропоморфный великан — людоед, оборотень, злой дух, сотворенный Нуми-Торумом из стволов лиственниц. Персонаж мифологии обских угров.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

- 1— *чувал* — очаг.
- 2— *Ампа* — собака.
- 3— *Вогулшч, вогул* (архаизм) — устаревшее название манси.
- 4— *Отец Медведь* (Консыг-ойка) — в мифологических представлениях и ритуале — божество, ведущее свой род от Торыма. Культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин Нижнего мира, священное и (или) жертвенное животное, звериный двойник человека. Медведь — один из главных героев животного эпоса, сказок, быличек, песен, загадок, поверий, заговоров. Он также — один из основных персонажей ритуала (после его убийства); патрон «лекарских» корпораций, в необходимых случаях его вызывают с помощью шаманских ритуалов. Существовало поверье, что души наиболее могущественных шаманов обладали способностью обращаться к медведю. Способность к оборотничеству, к превращению в медведя приписывалась колдунам. Медвежья обрядность осмысливается как на уровне мифологических образов и сюжетов, так и на уровне мифологизированных быличек о сожительстве женщины, заблудившейся в лесу, с медведем.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

- 1— *Маа* — земля.
- 2— *Ортик* — божество Обского бассейна от Самарова до устья Оби.
- 3— *Ючо* — юная красавица, легендарная героиня, персонаж мансийского эпоса.

4— *Нэ, нээ* — женщина; *Вишнэ* — девица.

5— *Парка* — верхняя меховая одежда.

6— *Саырб* — топор.

7— *Тамга* — священный, родовой знак.

8— *Мирра-Суснахума* (вернее: Мир-сусне-хум) — одно из главных божеств в мансийской мифологии. Буквальное значение имени — «смотрящий за миром». Эпитеты и ипостаси Мир-сусне-хума: «золотой богатырь», «всадник», «богатырь-старик», «сын золотого света». Каждую ночь он объезжает землю на крылатом всевидящем коне с золотой гривой и серебряными копытами, проверяя, все ли в мире в порядке, и, передавая людям наказы своего отца Нуми-Торума. Он помогает излечивать болезни, отводит опасности. По эпическому циклу Мир-сусне-хум — младший из семи сыновей Нуми-Торума, рожденный между Небом и Землей. Это — один из основных объектов религиозного культа у обских угров. Ряд его признаков способствовал отождествлению с Иисусом Христом в представлении тех групп обских угров, которые были затронуты миссионерской деятельностью православной церкви.

9— *Мюсснэ (Мисснэ)* — дева-дух, существо, подобное русалке.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

1— *Таукси* — Божество в виде Золотого Лебедя, покровитель птиц.

2— *Сумгут-вож* — березовый городок, древнее хантыйское название города Березова.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

1— *Ускуль* — нельма.

2— *Пайсе!* — Здравствуй!

3— *Чувал* — очаг.

4— *Бояр* — чиновник (устар.).

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

1— *Хост-хот, хост-хот!* — неперебиваемое заклинание, вроде «Чур, чур!» и пр.

2— *Пазан-заут* — звезда.

3— *Кватын* — лебедь.

4— *Туе* — весна.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

1— *Тончин, тончин!* — Стой, осторожно!

2— *Хорей* — длинный шест для управления оленями.

3— *Клятва Ючо* — содержит в себе все священные имена и предметы, которыми клянутся манси. Ючо клялась Медведем, имя которого допускалось произносить в исключительно редких случаях даже мужчинам.

4— *Маут* — аркан.

5— *Хом* — человек.

6— *Эмас* — хорошо.

7— *Торым* (*Торм, Торум*) — бог. Слово полисеманлично, так как одновременно означает: эпоху, небо, погоду, время. Мир, согласно мансийской религии имеет семь ярусов, семь пределов. Бог, заведующий первым мировым пределом над землей, и есть Торум. Схема родственных взаимоотношений мифических существ выглядит следующим образом:

Коцар-Торум — хозяин третьего верхнего мира.

Корс-Торум — его сын, хозяин второго верхнего мира.

Нуми-Торум — его сын, хозяин верховного мира.

Тапал-ойка

Калтан-эква (Земля)

Хотал-эква (Солнце)

Этпос-ойка (Луна, месяц)

Най-эква (Огонь)

Куль-отыр (Хозяин подземного мира)

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

1— *Зимняя юрта* — у манси юрты бывают двух типов: зимние и летние.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

1— *Иенгене-котлег* — месяц март. Название его в буквальном переводе

Значит: «месяц поворота».

2— *Туге* — весна.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

1— *Мадур* — воин, герой, богатырь.

2— *Яный Келб* — собственное имя, что в переводе значит: «Большая кровь».

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

1— *Пенегеза* — великан-людоед, злой дух.

2 *Нумо, Нум* — верховное божество в самодийской мифологии. Другие его имена: Ном, Ноп, Нуп, Лом. Часто он отождествляется с самим небом. У манси верховным божеством является *Нуми-Торум* — мифологический персонаж, создающий элементы мироздания. Среди большого числа параллельных имен и эпитетов Нуми-Торума — «большой бог», «белый бог», «золотой свет», «верховный мир» и т. д. Широко распространено представление о нем, как о третьем из наследных небесных божеств: у манси он сын Корс-Торума и внук Косяр-Торума, которые занимают соответственно второй и третий ярусы Верхнего мира. Из семи сыновей

Нуми-Торума шесть выступают преимущественно как локальные божества, посланные небесным отцом в разные уголки земли, младший — Мир-сус-нэ-хум приобрел главенство.

В ряде мифов Нуми-Торум изображается как величественный старик в роскошной, сверкающей золотом одежде, живущий в огромном, светлом доме «на седьмом небе», который полон богатств. В этом доме находятся сосуды в живой и мертвой водой.

Нуми-Торум в обско-угорской мифологии играет заметно большую роль, нежели во многом сходный с ним Нум в мифологии самоедов.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

1— *Логарь* — колдунья, оборотень в виде прекрасной молодой девушки.

2 *Нень* — хлеб.

3— *Воньчах-эмас* — *эмас куен* — хороший отдых, хороший сон.

4— *Ягушка* — женская одежда.

5— *Томар* — певунья-стрела.

6— *Войш-вуй-нээ* — старуха.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

1— *Черный и белый ир* — черная или белая материя, развешиваемая на сучьях деревьев или особых шестах (жердях) в виде жертвы божествам: добрым — белая, злым — черная.

2— «*Зелье смерти*» — порох.

3— *Таун нень* — «огненный хлеб», лепешки, испеченные на углях или горячей золе.

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

1— *Атта-кег'е* — богатырский меч.

2— *Сарни тут* — северное сияние.

3— *Олып* (древне-вогульск.) — богатырь.

4— *Паика* — признак холода.

5— *Железный корень* — богатырь.

6— *Красная оспа* — в представлении манси из чума в чум ходит старуха в красном и умертвляет людей.

7— *Рослый* — название песцов в декабре, когда они белые, как снег.

8— *Суж* — блоха, *та хом* — вошь.

9— *Ляга* — мокрое место, болото с мелкими кочками.

10— *Яный пуг'ы* — большой котел.

11— *Замор, замирание* — явление, наблюдаемое на Оби, когда вода портится. Рыба в заморной воде погибает. Замор распространяется снизу вверх по течению. Рыба обычно спасается в малых речушках, впадающих в Обь, где ее ловят.

12— *Карт-иевра* — железный волк. Обычно это слово толкуется как князь, союзник русских. Здесь оно употребляется в смысле мстителя за родной народ.

13— *Иур* — морское чудовище.

- 14— *зверь, о котором говорит Торым*,— мамонт.
- 15— *Нут и шар* — клятва.
- 16— *Кхоньи-коры* — олени самцы.
- 17— *Рача* — золотое божество обских угров.
- 18— *Лонт-Гусь* — Золотой Гусь, божество.
- 19— *Сосс'я* — Горностаева река, вблизи Конды.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1— *«Знаки гагар и лодок»* — на шаманских бубнах часто находятся изображения священных животных, рыб, птиц, которые вырезаются на обратной деревянной распорке или подвешиваются. Изготавливаются они обычно из железа, меди или жести.

2— *Асилиба* — изображение ящерицы на обратной стороне колотушки шамана.

3— *Паюнг* — сказочная богатырская сторона.

4— *Юрран-куш* — самоед, т. е. ненец.

5— *Роч-Маа* — русская земля или земля русских.

6— *Кошка* — небольшой якорь с острыми концами, употребляемый на севере Оби и Енисея в качестве привязи лодок.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

1— *Мухор-онгет* — мамонтовая кость.

2— *Тамбах* — табак.

3— Былины и сказания у обских угров пелись в Николин и Петров дни, а также на Крещение.

4— *Вахтер* — Заведующий хлебным магазином.

5— *Сиводушка* — тип (сорт) лисицы.

6— *Вес* — мамонт.

7— *Тончин, тончин!* — Стой! Осторожно!

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

1— *Петлим-емдер* — подземное царство.

2— *Саранки* — грибы.

3— *Бокарь* — меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

1— *Парка* — широкая верхняя меховая одежда.

2— *Хитта-инк* — живая вода.

3— *Огенкейя!* — Берегись!

4— *Юпсе* — тьма.

5— *Томар* — стрела для стрельбы из лука. Стрелы бывают с наконечником различной формы. *Волып-ног* — беличья стрела; *Леп томар* — стрела с наконечником в виде вилки; *пус-томар* — с наконечником лопаткой.

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- 1— *Сальпить* — Большая Медведица.
- 2— *Сап* — занавес, за который скрывались женщины при появлении посторонних мужчин.
- 3 — *Хост-хост! Геге, геге!*— Непереводимые слова, употребляемые при заклинании и вызове духов.
- 4— *Торый* — журавль. В данном случае могущественный дух в образе журавля.
- 5— *Тохт* — глухарь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артур Чернышов. На пути к мансийскому</i>	
Олимпу	5
Вступление	13
Песня первая. Первая песня Куксы	15
Песня вторая. Вторая песня Куксы	16
Песня третья. Третья песня Куксы	19
Песня четвертая. Сон Вазы	22
Песня пятая. Ючо	25
Песня шестая. Похищение оленей	28
Песня седьмая. Тамга	31
Песня восьмая. Огненная птица	34
Песня девятая. Царство мертвых	36
Песня десятая. Пенегеза	39
Песня одиннадцатая. Логарь	42
Песня двенадцатая. Торым	44
Песня тринадцатая. Атта Кер'е	47
Песня четырнадцатая. Иур	50
Песня пятнадцатая. Мухор онгет	54
Песня шестнадцатая. Мухор	57
Песня семнадцатая. Возвращение	62
Песня восемнадцатая. Смерть Ючо	67
Примечания к песням	70

А—67 Анисимкова М. К. Янгал-Маа (Тундра): Вольная обр. в прозе мансийск. эпоса / Ред. и вступит. ст. А. В. Чернышова; Худож. Р. Н. Сульженко.— М.: Столица; Тюмень; Творч. объединение «Лад», 1990.—78, [2] с.: ил.

Мансийский эпос «Янгал-Маа» уникален по своей значимости, не только как устно-поэтическое творчество малого народа, но и как своеобразная летопись богатейшего литературного наследия, вобравшего в себя многочисленные былины, сказания, песни, мифологические предания. Он сродни бессмертным творениям мирового эпоса: «Калевале», «Песне о Гайавате». Первый опыт воссоздания его принадлежит М. Плотникову, в течение двенадцати лет (с 1915 по 1927 годы) собиравшему по крупицам материал о сказочном богатыре Вазе.

Единственное издание эпоса, осуществленное в 1933 году, ныне получило новое воплощение. Тюменская писательница М. К. Анисимкова вдохнула в него вторую жизнь, дав вольную прозаическую обработку двух поэм Михаила Плотникова «Янгал-Маа» и Сергея Клычкова «Мадур Ваза-победитель», сохранив жемчужины народной мудрости неприкосновенными.

А $\frac{4702010202-0119}{170(03)-90}$ Без объявл.

ISBN5-7055-1288-0

ББК 84 МА 7

Маргарита Кузьминична Анисимкова

**ЯНГАЛ-МОО
(Тундра)**

**Тех. редактор В. С. Жерновников
Корректор А. Л. Абызова**

ИБ № 00119

**Сдано в набор 20.09.1990 г. Подписано в печать 20.11.90 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,57 Усл. крас. отт. 4,95. Уч.-изд.
л. 5,24. Тираж 10000 экз. Цена 3 руб. 50 коп. Заказ №
Издательство «Столица», 121069, Москва, ул. Писемского, 7.
Творческое объединение «Лад», 625000, Тюмень, ул. Республики, 52.
Отпечатано в Омской облтипографии облполиграфиздата.
644070, Омск, ул. Декабристов, 37**

**ТВОРЧЕСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ «ЛАД»
СОВМЕСТНО С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «СТО-
ЛИЦА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:**

**Валентин Крылов. Тяжелый туман. Повесть.
Объем 4 печ. листа. Выпуск IV кв. 1990 г.**

Острсюжетная повесть об авиакатастрофе на вулкане написана человеком, хорошо знающим закулисную жизнь авиации. Автор показывает, как в критической ситуации открыто проявляются трусость и пошлость и как до предела вырастает цена мужества.

**Суринов В. М. Историческая память народа:
Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыс-
лях сибирского крестьянина. Объем 2 печ. лис-
та. Выпуск IV кв. 1990 г.**

Итоги историко-этнографического опроса крестьян Зауралья (Курганская и Тюменская области) во время экспедиций 1962—1972 годов Восточно-славянского сектора Института этнографии АН СССР. Автор, кандидат исторических наук, анализируя данные экспедиции, показывает пути формирования индивидуальных представлений населения об истоках и традициях сельскохозяйственной крестьянской науки, приемах земледелия, особенностях агротехнологии и эволюции земледельческой науки в данном регионе в дореволюционный период.

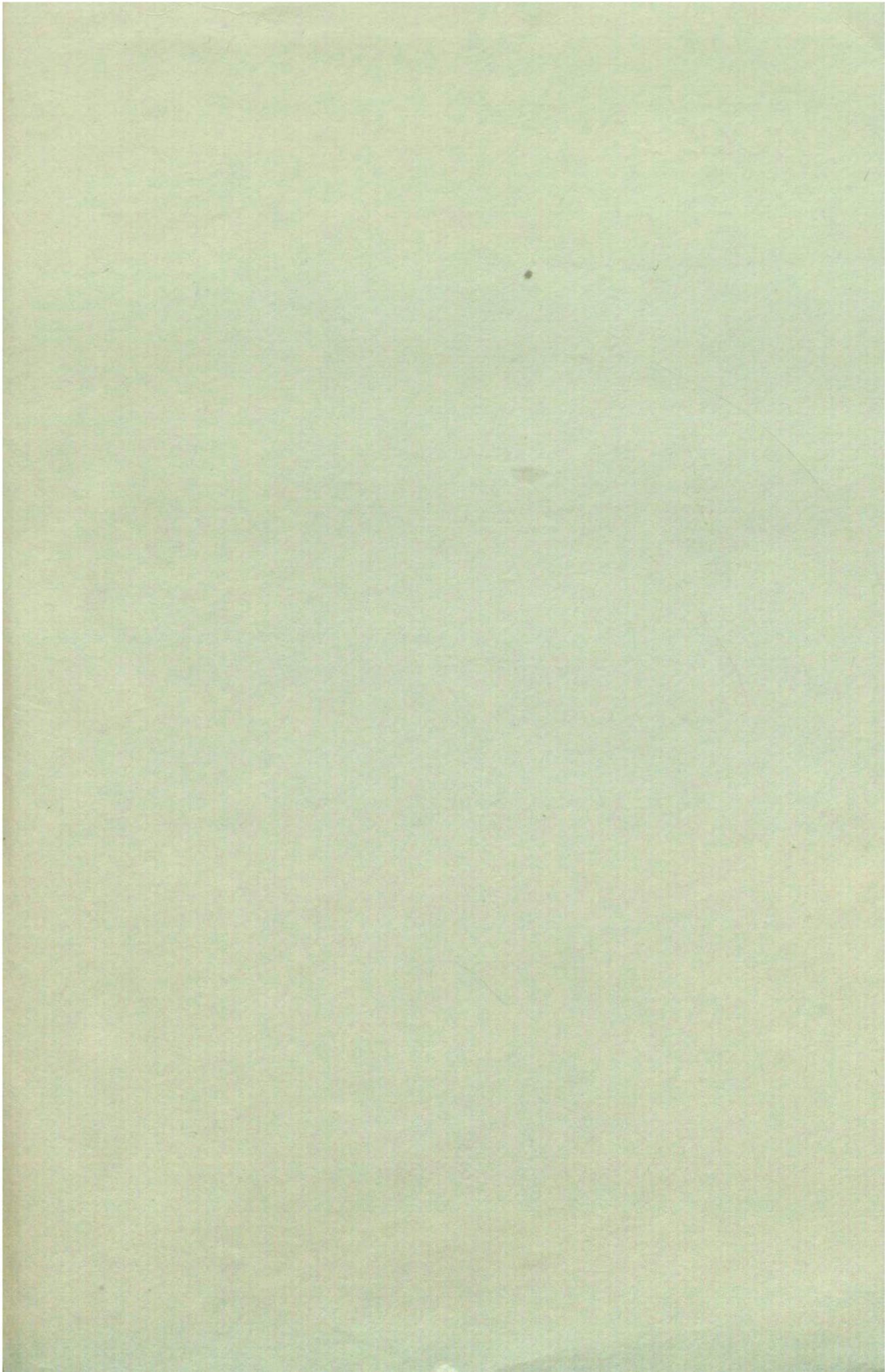
Предлагаемая работа — одно из первых исследований взглядов зауральского крестьянина на развитие сельского хозяйства, его понимания специфики формирования связей элементов земледельческого промысла и уклада крестьянской жизни.

Черные дни русского православия: (Документы и материалы о притеснении служителей культа и религ. объединений Тюм. края в годы Сов. власти. 1917—1965 гг.). Объем 10 печ. листов. Выпуск I кв. 1991 г.

Сборник документов и материалов, воскресающий исторические вехи религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти (1917—1965 гг.), особенно в период так называемого «воинствующего атеизма» (1923—1937 гг.). Читателю представлены более ста публикаций, в основном выявленных в Государственных архивах Омской и Тюменской областей, ярко показывающих как и какими методами велась кампания партийными и советскими работниками по искоренению «опиума для народа». Если учесть, что приведенные документы лишь небольшая толика обличительного материала, ибо совершенно отсутствуют источники карательных органов (Ревтрибуналов, ЧК, НКВД, КГБ), то можно лишь удивляться силе духа русского духовенства, его преданности христианским идеалам, терпению в надежде сохранить и донести до наших дней в чистоте слово Божие, дожидаясь радикальных перемен в жизни русского православия и Святой Церкви Христовой.

ח.ל.ר
5000 ז

BIS NIJNEVARTOVSK

9921